

Кобелев Андрей

**Песнь Мирра,
Темница Хора**

18+

Андрей Кобелев

Песнь Мирра. Темница Хора

<https://litres.ru/73362538>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Мирре, где Песнь Троих уже спета, всё идёт не по плану.

Мара, богиня душ, лежит под куполом в странном сне: её силу по капле выкачивает невидимая Темница в глубинах мира. Вал исчез на дальних рубежах. Хор, БогМеч, закован под Малым Кругом и незримо чинит творение посвоему вырезая лишнее вместе с живым. Скверна расплзается. Сердце мира трещит. Писцы наверху уже шепчутся о слабом свитке, который проще вырвать целиком.

Мирия дочь спящей Мары и случайный Мост к Сердцу. В видениях она видит Темницу, фермы, где людей выращивают как сырё. Ждать нельзя мать умирает.

Сбежав из Обители, Мирия впервые попадает в настоящий мир: в Чёрный Лес, деревню, где Свет называют ведьмовством, и к Ордену Хранителей, которые привыкли рубить гниль, не глядя в лица. Вместе с наёмником Балом, сыном самого Хора, ей предстоит спуститься к Малым Кругу и решить: стоит ли спасти мир ценой новых жертв и кого тогда придётся резать первой Скверну, богов или саму Песнь.

Содержание

Пролог	4
Глава I. Уроки Мирра Творения	22
Глава II. Малый Круг	35
Глава III. Зал Новорождённых	46
Глава IV. Покои Мары, Совет, Побег	57
Глава V. Андрогаст в крепости	79
Глава VI. Чёрный Лес	88
Глава VII. Деревня на краю Леса	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Песнь Мирра. Темница Хора

Пролог

*«В легендах про чудовищ забывают добавить:
чудовище не приходит первым.*

Сначала приходим мы».

Андрогаст

Северный ветер рвал горы, как лёс падаль. Выл, скулил, шёл порывами, так что хватало одного шага – и сдует в пропасть. Снег бил в лицо колючей крошкой, скрипел на зубах. Камень под ногами был чёрный, гладкий, как стекло. Справа – скала, слева – пустота и вой.

Они всё равно лезли вперёд. Не потому, что были смелыми, – просто позади уже не ждало ничего хорошего. А впереди было то, за что каждый из пятерых когда-то продал свою жизнь: обещание старого клада в закрытой дыре, про которую шёпотом говорили «там жили те, кто видел вживую самих Богов».

Карниз тянулся узкой полоской, не шире ладони. Пятеро шли гуськом. Согнутые, в вылинявших плащах, прижатые плечами к камню. Ноги скользят, пальцы немеют, а всё равно

лезут вперёд.

Впереди шёл Агний. Старший. Лицо резаное, обветренное. На таком лишнего слов не увидишь. Глаза – тёмные, тяжёлые. В руке – смятый клочок пергамента, прижатый к камню, чтобы не вырвало ветром. На пергаменте – пятна старой крови, жирные пальцы, обтрепанные края и кривые знаки.

– Здесь, – сказал Агний. Голос – как будто не в буре, а у печи. – Старик не соврал. Откуда здесь тепло?

Из чёрной дыры впереди действительно тянуло мягким, чужим теплом. Пар, вырывающийся изнутри, на холоде моментально превращался в мелкую ледяную пыль и разметался ветром, будто сама гора не хотела выпускать то, что держала в себе.

За ним ступал Казим. Худая рожа, быстрые глаза. Пальцы то и дело трогают рукояти ножей за поясом – привычка оттуда, где безоружные долго не живут.

– С ножом у горла мало кто врёт, – отозвался он, кутаясь в воротник. – А уж когда чужой нож уже внутри... – криво усмехнулся и передразнил умирающего старика: – «Там... опасно. Старые Боги...» – И золотишко, – добавил, уже серьёзно. – Иначе что нам там делать?

Третий, Рахим, шёл молча, только лук поправлял на плече да прикидывал: далеко ли ещё до тьмы, где стрелу никто не увидит. У него глаза были острые, как наконечники. Он глядел не на ветер, а дальше – туда, где в скале зияла чёрная пасть.

– Где старые Боги там всегда есть чем поживиться, – хрипло бросил он. – А не было бы опасно – всё давно растащили бы. Так что наше счастье: раз место страшное – значит, не пустое.

Четвёртый, Нихай, вжался плечом в камень, когда порыв ветра швырнул ему в лицо мокрый снег. Дышал он часто, видно было, что каждый шаг – через страх. Губы побелели, пальцы скребли по скале, будто там можно найти опору по-лучше.

– Не нравится мне это, Агний, – выдавил он. – Плохо тут. Словно... смотрит кто-то.

Пятый, младший, Аллай, молчал.

Шёл последним, сжимая рукоять меча так, что побелели костяшки. В его глазах не было ни бравады, ни жадного блеска – только упрямое, ещё детское: раз старшие решили – другого пути не будет. Младший привык идти туда, куда идут остальные, его совета никто не спрашивал.

Он успел пожить в доме, где по вечерам дымился очаг, смеялись братья, пела мать.

Теперь вместо этого был снег, чёрный камень и дыра впереди. И пустота за спиной.

Карниз обрывался у раскрытой пасти пещеры. Ветер бился в её край, как в зубы. Дальше было тихо.

Агний первым шагнул в эту тишину.

Ветер остался снаружи.

Внутри было сухо и глухо, и почему-то тепло. Тишина навалилась так, что в ушах зазвенело. Факелы загорелись неохотно: огонь, как и всё живое, не спешил лезть в эту дыру.

Туннель тянулся внутрь горы, то сжимаясь, то расширяясь. Стены сдвигались к плечам – приходилось идти боком, царапая плащами по камню. Потом вдруг разжимались в низкие залы с тяжёлыми сводами. Свет факелов испуганно дрожал. Казалось, сам камень пьёт его, как горячую кровь.

На стенах шли резьбы и знаки. Не украшения, а письма. Старые, с мягко стёртыми краями. Казим провёл по одному пальцем и нахмурился.

– Язык старых, – пробормотал он. – Такие видел на пергаментах в храме, пока не выгнали... – поднял факел выше. – А тут – по-нашему.

У свода шла крупная резьба. Он медленно прочёл:

– «Здесь покоится тот, кто видел рождение мира».

Нихай хрипло фыркнул.

– Я бы сюда ниже дописал: «Разворачивайтесь и катитесь обратно».

– Поздно, – отозвался Рахим, не уточняя почему. Ведь вход ещё так близко.

Аллай вдруг остановился и вскинул факел. Пламя дрогнуло, отразившись во множестве белых осколков.

Перед ними, прямо у входа в первый широкий зал, лежала груда костей.

Человеческие. Черепа, рёбра, позвоночники, обломанные

бёдра. Старые, пожелтевшие. Кое-где поломанные. Рядом валялись остатки кожаных доспехов и обрывки каких-то лохмотьев, вероятно прежде бывших одеждой. Судя по черепам, покой здесь обрели четверо.

Казим присел, взял позвонок в пальцы, повертел.

– Вряд ли зверь, – сказал он негромко. – Зверь тянет в логово, в глубину. А тут – на пороге навалено. И они скорее переломанные, чем погрызенные.

– Да уж, – буркнул Нихай.

– Старик не соврал, – тихо сказал Агний. – Здесь живёт что-то. И оно знает, что мы пришли.

По мере углубления в пещеру воздух тяжелел. Сырой запах тлена, сперва еле заметный, теперь ударил в нос, как плесень из старого склепа. В нём было что-то не своё – пахло смертью. Не свежей и не застоявшейся, а как лёгкое напоминание.

– Вы слышите? – шёпотом спросил Нихай.

Сначала – только собственное дыхание.

Потом – лёгкий шорох, как будто кто-то ногтями по камню. Потом – шёпот. Сразу из всех сторон. Слова расплзались, сливались. Но были в них родной язык и чужая интонация.

– Эхо, – попытался усмехнуться Рахим. – Голос мой. Только вот я молчал.

– Эхо не рассказывает то, о чём ты даже сам себе не рассказываешь, – глухо ответил Аллай.

Шёпот крепчал. Он был не снаружи – под черепом, в мыслях. Не один голос – несколько и каждый цеплялся за своё.

«Ты убил отца, Агний... – тянулось в голове у старшего. – Спрятал правду от братьев. Доволен? Тебе мало его крови?»

«Казим... – прошелестело в голове у второго. – Ты всю жизнь боишься темноты. Помнишь нижние этажи храма? Как вас учили? Во Тьме – чудовища. Зачем же ты сам лезешь к ним в пасть?»

«Рахим... завистливый пёс... – смех пробежал, как сухая трава на ветру. – Всегда хотел быть первым. Чтобы тебя слушали, а не его. Может, сегодня сбудется. Сегодня старший умрёт, а ты останешься».

«Нихай... – голос становился тягучим. – Братья не знают, что ты сделал с матерью. Как ты не пришёл, когда она звала. Помнишь её руки? Глаза? Я – помню за тебя...»

«Аллай... маленький, лишний... Последним ешь, последним ложишься, доживаешь за братьями. Может, хоть умрёшь сегодня первым? Обещать не могу».

Голоса не кричали – просто аккуратно брали каждую старую занозу и проворачивали.

– Хватит! – закричал Аллаи, обхватив голову руками.

Голоса не смолкли. Они поднялись выше, стали как гул за стеной или как разговор в соседнем доме.

– Там, – выдохнул вдруг Казим, всматриваясь во тьму впереди. – Смотри...

В конце зала багрово-чёрным светом занималось что-то.

Не факел, не костёр. Свет шёл будто изнутри плоти.

– Идём, – сказал Агний. – Пока голос – только голос.

Зал открылся внезапно. Вышли – и будто в пасть вошли.

Свод терялся в чёрной выси. Колонны, толстые, как вековые стволы, поднимались в темноту, унося на себе тяжесть горы. Тени между ними дрожали, как живые. Свет факелов скользил по нижним частям столбов и тонул, не добираясь до верха.

Но не свод бросался в глаза.

Перед ними тянулись «ряды».

Не статуй, не гробов. Ряды сосудов.

Слева и справа, уходя в темноту, стояли шеренги толстых колб ростом с человека, но шире. Не понять сразу, из чего они: полупрозрачные, вязкие, с переливами. Похоже на воск, но какие пчёлы могут такой воск производить? Или на кожу; но слишком уж ровную.

Внутри плескалась густая, жёлтая, местами зеленоватая жидкость, но достаточно прозрачная, чтобы разглядеть, что внутри.

Аллай сперва решил, что это куклы.

Плотники в его деревне умели вытёсывать надгробные фигуры – грубые, но понятные: рот, нос, борода. Эти же были слишком... аккуратные. Слишком неправильные в своей «правильности».

– Смотри... – прошептал Казим.

Он подошёл к ближайшему сосуду, поднял факел выше.

Внутри, в мутной взвеси, висело тело мальчишки лет двенадцати. Только глазницы у него были закрыты тонкой, полупрозрачной кожей. Там, где должны быть ресницы, – гладь, как у рыбьего брюха. Рот – есть, но губы узкие, в нитку, будто их сшили. Шея длиннее обычной, кости торчат, рёбра под бледной кожей ложатся ровнее, чем у людей, – словно их чертили по линейке.

Руки сперва кажутся нормальными, пока взгляд не скользнёт ниже кистей. Там пальцев было не пять. Семь – тонких, одинаковой длины, без ногтей. Каждый – как повтор предыдущего.

Ноги, верх туловища, шея были прихвачены к задней стенке ремнями. Не крепко – просто «чтобы не упал».

– Живой, – выдохнул Казим. – Смотри.

Факел подался ближе. От жара на поверхности сосуда проступила влага, как испарина на лбу. Внутри, под грудной клеткой, что-то дрогнуло. Грудь приподнялась, опала. На шее дернулся тонкий сосуд.

– Он дышит, – сказал Агний. Голос у него в этот раз звучал глухо.

Аллай невольно шагнул ко второму сосуду.

В нём была женщина. Тело худое, голова совсем без волос, глаза – опять же под кожей. Грудь есть, но без сосков. Талия, бёдра – всё выдано в «женщину», но линии стерильные, как у манекена. Ни родинки, ни шрама, ни волоска. Ко-

жа – странного, воскового, безжизненного цвета, но под ней что-то медленно работало.

У них «не было пупка».

Там, где у всякого, рождённого женщиной, должно быть маленькое отверстие, был просто ровный, неестественно гладкий участок.

– Кто их делал... – Нихай сглотнул, – ...он людей в глаза хоть раз видел?

– Видел, – глухо сказал Агний. – Только делал по памяти. Чем дальше – тем хуже становилось.

Один сосуд содержал тело с двумя грудными клетками, поставленными одна над другой. В верхней пульсировало сердце, в нижней – нет. Мышцы каждой – тонкие, как струны. Рук и ног не было вовсе. Голова – слишком маленькая для такого туловища; глаза под плёнкой, рот – щелью.

В другом, наоборот, было что-то, что пытались разделить на двоих и не разделили. Общий таз, четыре ноги; наверху – два торса, сросшиеся плечами. У одного руки были, у второго – только намёки на них. Лица – снова зашитые кожей.

Аллаю казалось, что эти «лица» их чувствуют.

Хотя ни один не смотрел, не шевелился, до него начало доходить: не слова, не мысли – ощущение «чужого ожидания». Как бывает, когда стоишь в комнате с множеством людей, спящих или без сознания: воздух пропитан чужим присутствием.

– Тут не просто... – начал было Казим.

– Тише, – отрезал Агний. – И так ясно.

Шёпот в голове стал ближе.

«Тихо. Спят. Не буди».

Это уже было не их собственным страхом. Эхо самого места. Чьи-то древние распоряжения.

Тогда они услышали второй звук.

Тот, что не мог издавать ни человек, ни обычный зверь. Сначала – лёгкий скрежет, как если бы что-то крупное потянуло когтём по камню. Потом – влажный чавк. Тяжёлое, но ровное дыхание.

– Назад, – сказал Нихай. – Пожалуйста.

– Погоди, – процедил Агний, не отрываясь взглядом от тьмы между рядами. – Мы ещё не закончили.

Тьма шелохнулась.

Из прохода между двумя шеренгами сосудов вышло «оно».

Сначала Аллаи увидел ступню.

Не лапу зверя и не босую человеческую ногу. Что-то среднее. Ступня почти до середины голени взрослого человека. Кожа натянута странно: местами серая и сухая, как у старика, местами блестящая, розовая. По щиколотке шла полоса чужой кожи другого оттенка, наложенная, как заплатка.

Ноги. Неравномерные. В квадрицепсы вшиты дополнительные мускульные «бугры» – будто поверх одной ноги нарастили ещё одну, но без кости. На бедре слева была вделана чья-то чужая ладонь – пальцы, сросшиеся с мясом, без ног-

тей, вывернутые внутрь, мёртвые.

Тело в целом напоминало человека: две руки, два плеча, голова. Но каждое место, где природа делает изгиб, было «усилено» чужими частями. Выше локтя, над бицепсом, виднелось целое человеческое предплечье, вросшее туда, как корень в ствол, с пальцами, утонувшими в общей массе.

На груди, там, где у человека сердце, под кожей шевелилось два отдельных ритма.

Один – глубже. Медленный, тяжёлый. Другой – ближе к поверхности. Быстрый, сбивчивый. Будто внутри этого тела пытались жить сразу двое, и ни один до конца не победил.

Лица у него было. И оттого – ещё страшнее.

Мужское, когда-то, вероятно, ничем не примечательное. Нос, губы – всё на месте. Только кожа там была слишком гладкой, натянутой до блеска, словно её натянули на череп большего размера. Лысая голова – блестящая, как выскобленный череп. Глаза – человеческие, но слишком чистые. Ни прожилок, ни красноты. Зрачки – ровные, тёмные, белки – белые.

Ни бровей, ни ресниц.

На шее – тонкий, ровный шов, идущий кругом. Как если бы голову когда-то снимали и ставили обратно. Из-под шва пробивался едва видимый, мягкий, неестественный свет.

Когда он двигался, мышцы по всему телу шли волной.

Аллай заметил: у существа разная длина рук.

Правая – чуть длиннее, пальцы доходят почти до коле-

на. Левая – короче, но толще, с впаянными в плечо чужими мышцами. Пальцы на обеих руках – человеческие, но очень большие, толстые и без ногтей.

Существо остановилось.

Глаза, слишком чистые, без век, скользнули по ним. Не как по врагам. Как по предметам. Отдельно задержались на факеле – на свете. Потом – на Аллае.

Аллай почувствовал, что его просто пригвоздили к месту взглядом. Ноги отказались шевелиться. Не магией – тем самым животным ужасом, когда мир вдруг начинает казаться темницей в собственной плоти.

– Уходим, – прохрипел Рахим. – Сейчас.

– Куда? – тихо спросил Казим. – Назад? – он кивнул в сторону темноты. – Или попробуем проскочить?

Голем двинулся.

Не рывком – шагом. Нога, тяжёлая, как валун, опустилась на камень. Плита под ней едва заметно дрогнула. Сосуды, стоявшие ближе, зашевелились; жёлто-зелёная жижа внутри встрепенулась, как при качке.

В одном из них тело, до того лежавшее, скрючившись, вдруг выгнулось. Кожа на лице натянулась, будто под ней кто-то кричит, но рот не открывается.

– Агний, – сорвалось у Аллая, – пошли!

Старший только крепче сжал рукоять меча.

– Бегите, – коротко бросил он. – Все.

Никто не двинулся.

Казим уже инстинктивно смещался в сторону, наискось, чтобы зайти сбоку. Рахим отступил на полшага, тянулся за стрелой. Нихай прижался к ближайшей колонне, глаза бежали между големом и тёмным пятном входа.

Агний пошёл вперёд – не прочь, а навстречу.

Он не бросился сломя голову. Шёл чуть в сторону, полукругом, закрывая собой линию между големом и младшим, чтобы тот, если всё-таки послушается, мог рвануть к выходу.

Голем шагнул навстречу.

Агний резко ушёл влево и низко, почти присев, рубанул мечом по колену. Удар был из тех, что доведены до автоматизма: ниже чашечки, туда, где сустав ломается легче.

Меч вошёл.

Сталь прошла через кожу, как через мокрое полотно, углубилась на половину клинка – и встала. Уперлась в кость и увязла.

Рукоять дёрнуло из руки. Агний рванул – клинок не вышел. Сидел в плоти надёжно, даже не шелохнулся.

Голем опустил руку – без замаха, коротко, как человек, который просто хочет прижать к полу мешок.

Агний перекатился. Мгновенная, выработанная годами реакция спасла его – на одну секунду.

Ладонь тяжёлого существа прошла по полу чуть в стороне.

Камень не выдержал. Треснул, как лёд весной. Плита, на которой они стояли, поехала вперёд и вниз, как глыба, отло-

мившаяся от берега. Удар отозвался в ногах у всех сразу.

Агния подбросило, опрокинуло на спину. Воздух вышибло из груди.

Голем повернул голову.

Одно равнодушное лицо. Ни удовольствия, ни злобы.

– АГНИЙ! – Аллай даже не понял, что заорал вслух.

Голем, словно откликнувшись на звук, перевёл взгляд на него. Свет факела, дрожащий в руке младшего, отразился в идеально чистых глазах. Существо сделало шаг. Не быстро – размеренно, как часы отмеривают последние минуты чьей-то жизни.

Нихай шагнул между Аллаем и големом, выставив вперёд копьё. Руки дрожали, но держал он его крепко.

Время сжалось.

Рахим выдохнул и выпустил стрелу почти в упор. Она вошла в грудь голема, вошла на ладонь – и застряла. Кровь не брызнула. Только кожа вокруг вспухла, словно туда вдавили лишний камень.

Голем отвёл взгляд от Аллая – на древко стрелы. Смотрел так же, как смотрел на факел: на что-то непривычное.

– Беги, – хрипя, повторил Агний. Он уже поднялся на одно колено, в другой руке – короткий нож. Он больше не рассчитывал убить это. Теперь он только отвлекал.

Он снова шагнул вперёд – уже без меча.

Нихай, сглотнув, ударил копьём в пах. Острие вошло в плоть, упёрлось во что-то твёрдое. Он дёрнул – не вышло.

Существо даже не вздрогнуло.

Рука голема пошла вбок, коротким, скупым движением, как человек отбрасывает мокрую тряпку.

Нихая ударило первым.

Копьё, вонзившееся в плоть голема, стало для него якорем. Рука существа, скользнув по древку, задела его плечо. Всё, что было от шеи до таза, на миг превратилось в нелепо выгнутый силуэт. Потом мясо, кость, кожаная куртка – всё это спрессовалось в один мокрый, тяжёлый звук.

По той же дуге задело и Агния.

Не осталось даже крика.

Тело, ещё секунду назад такое надёжное, с привычной линией плеч и шрамом на подбородке, превратилось в нечто. Кровь тонкой дугой ударила Аллаю по щеке и по губам. На язык попало солёное, тёплое.

Мир «потемнел».

Казим рванулся вбок, пытаясь обойти тварь по дуге. Нога поехала по мокрому камню – нашла не опору, а кровь. Он поскользнулся, и вместо обхода – влетел прямо в «объятия».

Голему даже не пришлось ничего делать – просто сомкнул руки.

Одно движение. Без эмоций, без усилия. И от Казима остался только бесформенный мешок, наполненный обломками костей.

Лишь Рахим ещё стоял. Стоял насмерть.

Он держал лук, словно не знал ничего другого. Пальцы

сами находили тетиву. В глазах – одна, последняя упрямая мысль: «ещё выстрелю».

Голем шагнул.

Каждый его шаг заставлял дрожать сосуды. В одном из них тело дёрнулось всем телом; жидкость взметнулась, ударила о верх и стекла обратно.

Рахим выпустил вторую стрелу – в лицо, в единственное место, которое хоть как-то походило на уязвимое.

Она вошла в глаз.

Там наконец брызнула настоящая кровь – густая, чёрная, как расплавленный металл. Она не фонтанировала – стекала плотной струёй. Голем дёрнул головой, издав звук, похожий на скрежет железа о железо. Шаг сбился – на миг.

Он ударил сверху, как молот.

Рука прошла короткой дугой. Рахим не успел ни уйти, ни закрыться. Удар смял его, как тонкую глиняную фигурку. Он упал тяжёлым кулем, из него медленно потекла тёмная жижа. Понять, что из того, что торчало, было куском стрелы, а что – кость, уже было невозможно.

Аллай лежал на потрескавшемся полу, не двигаясь. Его отбросило туда ударной волной. Рука всё ещё вцеплена в рукоять меча, который он даже не успел вытащить.

Голем, похоже, его «забыл».

Его интерес к живым проявлениям удовлетворился. Механизм сделал своё дело. Теперь он разворачивался обратно, к своим сосудам.

Перед уходом существо, как бы походя, провело ладонью по ряду колб...

Личинки внутри слегка шевельнулись – кто пальцем, кто рёбрами, кто всем телом разом. Жидкость плеснула внимательнее. Несколько глаз, зашитых кожей, дрогнули под плёнкой, будто пытаясь распахнуться.

И снова замерли.

«Спят», – прозвучал в голове общий шёпот. – «Пусть спят. Не буди».

Голем шёл вглубь, туда, где тьма была ещё гуще.

Аллай долго не двигался.

Пол был холодным. Кровь на лице быстро остыла и спеклась. Внутри всё кричало. Наружу не выходило ни звука.

Он поднялся только тогда, когда тишина стала полной.

Он не видел дороги. Бежал, падал, полз на четвереньках, сдирая ладони в кровь, вонзая пальцы в каждую щель, в каждый выступ.

В голове гудел общий, липкий звук – в котором сплелись голос чудовища, тихие шорохи тех, кто спит в колбах, и его собственный вой.

Ни о кладе, ни о золоте, ни о братьях он уже не думал.

Только: «прочь».

...

– Там, – прошептал он потом, вцепившись пальцами в ворот чужого плаща, – там... не наше. Там не люди.

– Мы знаем, – тихо ответил Арей. – Потому и здесь.

...

Астар закончил писать, свернул бумагу в маленький свиток, привязал к лапе ворона. Птица терпеливо дождалась, пока узел затянут, потом взмахнула крыльями и взлетела – в небо, где её силуэт быстро растворился в мутном свете.

Аллай лежал на холодной земле, вцепившись пальцами в камень, и не видел, как улетает эта весть.

В голове у него всё ещё звучали слова:

«Беги, беги, младшенький. Точнее – единственный».

А где-то глубоко под ними, под слоями породы и стекла, сотни бледных тел в колбах продолжали дышать.

Для этих тел пятеро с карниза были всего лишь небольшой помехой в длинной работе. Для мира – первой трещиной, к которой Хранителям ещё успеют приложить руку.

Глава I. Уроки Мирра Творения

«Кто родился под куполом, тому труднее всего поверить, что под ногами у него – не только мрамор, но и могут быть чьи - то кости».

Терон

Обитель Душ была выстроена так, будто её не строили, а извлекали из света.

Белый мрамор здесь не просто держал своды – он как будто сам изнутри сиял, мягко, без ослепительного блеска. По его поверхности тянулись тонкие светящиеся прожилки, подобные жилкам листа на солнце или нитям тончайшей паутинки. Иногда казалось: если приложить ухо к стене, можно услышать, как через них струится Песнь.

В любом другом доме такое тепло под пальцами говорил бы о живых людях за стеной – о кухнях, очагах, о чьих-то голосах. Здесь за мрамором тоже было чьё-то дыхание, но его звали «потоками».

Зал, в котором сидела Мирия, был слишком велик для одного человека.

В Обители её давно уже не считали ребёнком. Слишком взрослая, чтобы сидеть на полу у ног Певцов, и всё ещё слишком юная, чтобы её пускали в залы, куда ходят только те, кому давно не считают годы.

Серая туника сидела на ней так, что даже самый рассеянный взгляд понимал: это не стеклянная фигурка с витража. Стройная, вытянутая, она казалась чуть легче, чем должна была быть, будто часть её веса оставалась где-то в Песни. Грудь намечалась мягкой линией, без излишеств, которых так любили на резных статуях; талия была узкой, бёдра – плавными, и туника скорее угадывала эти линии, чем скрывала.

Длинные волосы были стянуты лентой на затылке, но лента лишь делала вид, что держит их. Пряди снова и снова выскальзывали, ложились на плечи и спину мягкими волнами. В свете витражей они то уходили в чистый свет, то становились почти серебряными – не холодным металлом, а тёплым, живым отблеском.

Лицо в Обители любили рисовать правильным: ровный лоб, тонкий нос, замкнутый рот. У Мирии было живое. Кожа – светлая, но не мраморная: на скулах легко выступал румянец, если она злилась или смущалась. Глаза – слишком большие для иконописной меры, пронзительно голубые, с тонкой чёрной окантовкой по краю радужки, из-за чего зрачок казался глубже. В самой синеве иногда вспыхивали белые искорки – то ли отблеск витража, то ли что-то своё. Когда она поднимала взгляд от фолианта, казалось, что смотрит не на страницу, а чуть дальше, сквозь неё.

Рот у неё был упрямым. Даже когда она молчала, губы держались так, словно ещё одно несказанное слово уже сту-

чит по зубам и просится наружу.

Высокий свод терялся в молочном полумраке. Стройные колонны сдерживали его без усилия. Между ними гулял свет от витражей. Один длинный стол из белого камня, покрытый сетью еле заметных символов, один раскрытый фолиант, одна ученица в серой тунике – и ничего больше.

Других детских голосов в Обители эти стены не слышали.

Дети здесь не рождались. По коридорам ходили Певцы, служители, Хранители свитков, редкие посланцы из внешнего мира. У каждого – своя нота. Но у Мирии иногда было чувство, что все эти голоса звучат поверх, как напев над слишком глубокой водой, а настоящая, тяжёлая Песнь идёт где-то «под ними», в темноте.

Сейчас она не слушала ни то, ни другое.

Скользя глазами по строкам, она всё равно возвращалась взглядом к витражу.

Тот самый, знакомый с детства: трое над кругом.

Слева – Мара'Аррия, в одеждах цвета утреннего тумана, с вытянутыми вперёд ладонями. Из них тонкими серебрястыми потоками лились души, похожие на крошечные светлячки.

Справа – Хор'Аррес, в тяжёлых доспехах, окружённый густой, но не мёртвой Тьмой. В руках у него высоко поднятый клинок, оплетённый рунами, от которого во все стороны расходились круги – не воды, Песни.

В центре – Вал'Аллариэль, менее внушительный на вид,

чем брат, но именно вокруг него шли горы, моря, облака, города. Он держал ладонями – не предмет, а «Круг»: пустой в середине, очерченный золотом по краю.

В детстве ей казалось, что стекло действительно поёт.

Мирии иногда казалось, что каждый новый слой знания не утешает, а крадёт у неё почву. В детстве говорили: «Чем больше знаешь о Троиخ, тем спокойнее». Ей же с каждым уроком становилось только беспокойнее, будто кто-то незримый аккуратно достаёт из-под неё по одному кирпичику.

В ясные дни витражи заливали зал такими красками, что воздух густел, как мёд. Тогда свет вокруг Мары был ярче всех: мягкий, ровный, надёжный. Хор – чёткий, как граница тени. Вал – между ними, тёплый.

В последнее время всё изменилось.

Сегодня свет падал нехотя. Зелёные и синие куски стекла ещё держались, но там, где бежали тонкие золотые линии от рук Мары к Кругу, краска будто выцвела. А руны Хора казались грубее, темнее.

Страницу под пальцами повело.

Буквы сползли в серое мерцание, как песок в часах. Она уставилась в строчку, где было написано что-то о «равновесии трёх Кругов», но видела только блекнувший на стекле свет.

– Леди Мирия, – негромкий голос раздался у самого уха так, будто не звук шёл по воздуху, а щёлкнула знакомая нота, к которой Обитель привыкла, – у тебя с текстом что-то

неладно? Или буквы разбежались подобно бусинам из порванного ожерелья, и ты их собрать не можешь?

Она вздрогнула.

Терон стоял у конца стола, опираясь на посох. Его нельзя было назвать стариком – в Обители «старость» вообще не имела привычных людям очертаний, – но в лице уже было много прожитых лет.

Высокий, сухой, с длинными узловатыми пальцами. Волосы с проседью собраны в нетугой узел на затылке. Лицо – резкое, как у человека, который слишком часто говорил «нет» тем, кому проще было бы сказать «да». Глаза – тёмные, уставшие, но живые.

От него пахло старой бумагой, каменным холодом и ещё чем-то... похожим на «ночной воздух у открытой створки», откуда иногда веет сыростью глубин.

– Прости, учитель, – сказала Мирия. – Сегодня... витраж иначе выглядит.

Он проследил её взгляд.

На миг в его глазах вспыхнуло что-то совсем человеческое – боль, вина, злость – и так же быстро ушло под привычную гладь.

– Витраж тот же, – отозвался он. – Меняется свет. И те, кто под ним сидят. – Он помолчал. – И то, что выше.

Он подошёл ближе и положил ладонь на край раскрытой книги.

– Сегодня, леди Мирия, – произнёс он, – у нас с тобой

последний урок о Троицх.

– Последний? – вырвалось у неё.

– Последний из тех, что можно вычитать из свитка, – поправил он. – Дальше начнутся те, которые нельзя положить на камень. – Он чуть наклонил к ней фолиант. – Начнём?

Страница была исписана древними рунами, похожими на переплетение корней. Вверху, крупнее, стоял заголовок: «*О Троицх, склонённых над Кругом пустым*».

– Сегодня, – Терон чуть усмехнулся, – сегодня мы будем не только читать, но и смотреть.

Он слегка ударил посохом в пол.

Звук был не громким, но лёгкий звон прошёл по залу не ушами, а где-то в груди. Над столом поднялась тонкая дымка – как дыхание в зимнем воздухе, – и сжалась в ровный круг.

Круг разделился на три дуги. Над каждой вспыхнул простой знак: над первой – искра, над второй – маленький завиток, похожий на спираль, над третьей – короткий штрих, перечёркивающий край круга.

– В начале, – заговорил Терон, – был Круг. Возможность. Место на полях свитка, которое Писцы обвели: «здесь начнётся новый мир».

Он провёл посохом по первой дуге.

– В Круг полился Свет. Живой, быстрый, желающий быть всем сразу: и камнем, и птицей, и мыслью. Ему нужна была форма. Тьма дала ему её. Не та, что в углах комнат прячет-

ся, – первичная, вязкая, терпеливая. Та, которая помогает из Света лепить материи.

Над первой дугой возникла тень женщины – прозрачная, как на витражах. Над второй – мужчины с каменной чёткостью черт. Над третьей – высокой фигуры в броне.

– Когда над Кругом склонились Мара, Вал и Хор, – продолжал он, – Свет и Тьма послушались их.

– Вал сплёл из Тьмы кости мира: поднял горы, разлил моря, начертал русла рек. Мара провела по этому телу Песнь, вселяя в него души, имена, память. Хор обвёл всё, что они сделали, невидимым кругом меча – тем, что отсекает лишнее и чужое.

Он коснулся посохом трёх знаков.

– Мара – Песнь и души. Вал – кости и законы Мирра. Хор – граница и отсечение. Они равны в Силе, но каждый поёт свою партию.

– А кто... – Мирия помедлила, – ...поднял сам Круг? Вы сказали – Писцы?

Он чуть приподнял бровь.

– В некоторых старых песнях так и говорится, – осторожно ответил он. – «Те, кто чертят круги и пишут ноты на полях». Мы о них не поём громко. – Он вздохнул. – Но след их работы везде. Особенно там, где мир уже поломан.

Слова «поломан» и «особенно там» отдались в ней глухим звоном.

– В наших книгах, – продолжил Терон, – Писцы – те, кто

задумал саму схему: Большой Круг, Малый Круг, связь между ними. Но, Троим, – он посмотрел на витраж, – дается свобода творить дальше на свое усмотрение, но не отходя от начертанных схем далеко. А Писцы... – он чуть усмехнулся, – ...лишь собирают дань и сглаживают, по мере сил, неровности.

Мирии понравилось слово «дань» меньше, чем «свобода».

– Большой Круг, или как его чаще называют – «Купол», – сказал Терон, – это кожа мира. То, что отделяет нас от того, что вовне. Через него идёт Песнь наверх.

Он провёл посохом ниже.

Под куполом, в центре, вспыхнул второй круг, меньший.

– Малый Круг, – продолжал он, – Сердце. Здесь извлекается и разливается по миру Сила Троих в виде материи и душ. Он помогает Троим творить. Он содержит в себе память обо всех живых и не живых формах...

– То есть... – Мирия медленно повторила, – Малый Круг это ядро, которое все помнит? То есть там есть все образы, все формы? А Трое лишь направляют свою Силу на сотворение?

Терон посмотрел на неё чуть внимательнее.

– Именно так, – сказал он. – Да. Внутри Малого Круга есть то, что старые тексты называют «Формами». – Он произнёс слово негромко, как чужое. – Ячейки, где записаны все Пес-

ни, собрано всё. Какие тела, какие растения, из чего состоят и как выглядят горы и реки. Чтобы в следующий раз не то-чить одно и то же с нуля.

У неё по коже побежали мурашки.

– В следующий раз? – уточнила она, удивившись не на шутку.

– Именно, – честно добавил он. – Наш Мирр не уникален, как говорят свитки. И если что-то пойдет не по плану...

Она вздрогнула.

– Но давай продолжим о Малок Круге подробнее, – перевел тему Терон, явно не пожелав углубляться в запрещенную тему.

Фигуры над кругами снова проступили чётче.

– Вал, – Терон слегка кивнул в сторону центральной тени, – трудился над костью мира. То, как он выглядит и звучит – его работа. Он любил строить. Мара – над Песней Душ. Они ее страсть и забота. А Хор... – он прервался, подбирая слова, – ...Хор с самого начала стоял на острие.

Он коснулся посохом третьей фигуры.

– Он пришел с мечом, ведь сказано ему Писцами: «режь то, что мешает миру быть собой». В начале он резал честно. Если что-то разрушало слишком много, если что-то лезло извне и могло разорвать свиток, он отсекал. *«Рука, которая отрубает гниющий палец, чтобы не умерло всё тело».*

Мирия кивнула.

Так её учили с малых лет: Хор – страж. Меч.

– Но, – продолжал Терон, – меч, который слишком долго остаётся в руке, начинает сам искать, по чему бы ударить. – Он посмотрел на неё. – Кто всю жизнь стоял на границе, рано или поздно начинает видеть врага и там, где всего лишь лишняя складка.

– Ты хочешь сказать... – медленно произнесла она, – что Хор... перегнул?

– Я хочу сказать, – мягко ответил он, – что любая Сила, вырванная из Песни и поставленная отдельно, рано или поздно начинает думать, что она – единственная правильная нота.

– В наших легендах, – продолжил Терон уже более привычным тоном, – всё проще. Там Мара – мать душ, Вал – отец гор, Хор – меч над тьмой. Так детям рассказывают. Так и взрослые любят слушать. – Он усмехнулся уголком рта. – Удобнее с такими богами жить.

– А правда? – спросила она. – Такая, как есть?

Он посмотрел на неё долго.

– Правда, – сказал он наконец, – для каждого слоя своя. Есть правда для тех, кто живёт под открытым небом: им нужно знать, что дождь пойдёт, когда надо, а Скверна не выйдет на дорогу посреди жатвы. Есть правда для тех, кто хранит свитки, – им достаточно понимать, за что Писцы уже берутся за перо. Есть правда для Тройих... – он пожал плечами. – И

есть правда для самого Сердца.

– А для меня? – тихо спросила Мирия.

Он не оторвал взгляда.

– Для тебя, – сказал он, – все эти слои однажды сложатся в один. Но не сегодня. – Он притронулся к краю книги. – Сегодня – только то, что можно записать и сжечь вместе с пергаментом.

Когда урок вернулся к свиткам, Мирия попыталась заставить себя слушать «обыкновенное»: порядок богослужений, названия кругов, формулы благодарственных песнопений. Но то, о чём сказал Терон, уже не уходило.

Он говорил о том, как Писцы «правят строки», как Трое «склонились над Кругом», как Малый Круг «послушался» каждого по очереди. Она же слышала между строк:

«есть то, о чём мы молчим, потому что мир и так трещит».

Когда урок закончился, Терон закрыть книгу не спешил.

– Ты задаёшь слишком прямые вопросы, – сказал он. – Для Обители это... неудобно.

– Для тебя – тоже? – вырвалось.

Уголок его рта дёрнулся.

– Для меня это... поздно, – отозвался он. – Я уже слишком долго живу с ответами, которые нельзя выкрикивать на Советах. – Он поднялся и указал на витраж. – Взгляни.

Он был тем же, но сейчас, после разговора о Кругах и Мат-

рицах, витражи казались не украшающими, а прикрывающими.

Трое над Кругом смотрели сверху: такие, какими их хотела видеть Обитель.

Мара – мягкая, светящаяся, окружённая душами. Хор – грозный, но справедливый, мечом отделяющий чёрное от белого. Вал – спокойный, держащий в руках мир, как шар.

Мирия подняла взгляд.

Теперь она заметила то, чего раньше не видела.

В сегменте, где вокруг Мары шли круги света, стекло пошло микроскопическими трещинками. Не одна, не две – сетка, как на тонком льду весной. Там, где золотые линии тянулись от её рук к Кругу, цвет действительно поблёк: не по поверхности, но в трещинах в глубине стекла.

У Вала – тоже. В месте, где он касался Круга, был едва заметный пузырёк – как если бы стекло там однажды перегрели и оно вздулось.

Только у Хора всё было по-прежнему ровным и чётким.

– Витраж тот же, – повторил Терон. – Но смотри, как меняется узор.

– Почему... – начала она, и вдруг поняла, что спрашивает не только про стекло. – Почему всё трещит?

Он молчал.

Где-то под ногами, очень далеко, мягко, но отчётливо ударило.

Не как гул шагов служителя в коридоре и не как ветер в

колокольнях. Глухой, круглый звук, как если бы глубоко под мрамором кто-то бил по огромному каменному сердцу.

Мирия не знала, слышит ли это ещё кто-то в Обители.

Она вздрогнула.

– Чувствуешь? – тихо спросил Терон.

– Да, – прошептала. – Это... Малый Круг?

– Это – Сердце, – ответил он. – Оно работает. Как и должно. Но... – он посмотрел на витраж, где по стеклу шли трещины, – ...в ритме появилась фальшь. – Он помедлил. – Скверну мы привыкли видеть в лесу и в телах. На самом деле она начинается там, где трескается Песнь.

Она не сразу нашла голос.

– Почему вы... – она сглотнула, – ...ничего не делаете?

Он устало усмехнулся.

– А что я, старый Певец, могу сделать с трещинами в камне, который клали боги? – спросил. – Петь можно, пока свод не рухнул. Подпирать... – он стукнул посохом по мрамору, – ...можно только руками созданными для этого. – Он серьёзно посмотрел на неё. – Но иногда, Мирия, появляются те, кто может тронуть не только Песнь вокруг, но и сам узор внизу.

Она поняла, что он говорит о ней.

– Я... не хочу никого ломать, – глухо сказала она.

– А мир уже ломается, – ответил он просто. – Вопрос только, будешь ли ты смотреть со скамьи, как он трескается, или полезешь к самому шву.

И мрамор под ногами вдруг показался ей намного тоньше.

Глава II. Малый Круг

«Когда на уроке показывают Сердце мира
схемой, никто не говорит,
что его питает».

Терон

Во втором зале было прохладнее.

Не так, как в каком-нибудь подвале старого деревенского дома, где пахнет плесенью, – прохлада здесь была выверена, как всё в Обители. Камень стен матово поблёскивал, на полу шла инкрустация тонкими линиями – круги, спирали, лучи. Свет, падавший сверху через узкие, высокие щели, был белее, чем в зале витражей.

Посреди, на низком постаменте, стоял макет.

Не деревянный и не каменный. Полупрозрачная сфера из горного хрусталя, в которой шли смутные, размытые тени. Если долго смотреть, казалось, что внутри бьётся тусклый свет – то вспыхивая, то гаснущий.

– Это – образ, – сразу предупредил Терон. – Внизу всё по-другому. Сердце мира не висит аккуратно перед глазами, чтобы на него празднично глядели.

Мирия подошла ближе.

Сфера не отражала её лицо. Вместо этого в глубине мерцали какие-то тени – то ли глыбы, то ли ходы. Приглушённо

ный, неритмичный свет временами пробивался сквозь толщу, как теплое дыхание сквозь лёд.

– Малый Круг, – сказал Терон, – это не просто «второй купол под Большим». Это Сердце. Здесь сплетаются нити всех трёх: Вала, Мары и Хора.

Он посохом очертил по воздуху невидимую окружность вокруг шара.

– Когда Вал вошёл в него первым, – напомнил он, – он «застыл» там и разжёл саму плоть мира. Через него поднялись горы, встали хребты, утвердились законы: что падает вниз, что горит, что тонет. Его часть осталась в каждом камне и травинке.

Он провёл посохом так, будто разделял шар на слои.

– Затем в Круг ступила Мара, – продолжал. – Она вынула через то же Сердце нити душ, провела их в эту плоть. Одним дала долгую память, другим – короткую, третьим – почти никакой. Она дала людям свободу мыслить. Её след – в каждом дыхании.

Третье касание – твёрже.

– А потом – Хор. – Терон на мгновение умолчал. – Когда он вошёл, Круг стал не только сердцем, но и ножом и щитом. Часть его Силы осталась врезанной в стены. С тех пор Сердце режет всё, что слишком чуждое или слишком опасное для Мирра.

Мирия смотрела в шар.

– А теперь... – она поджала губы, – ...он режет ещё и то,

что ему самому мешает, так?

Терон бросил на неё косой взгляд.

– Да, – коротко сказал он. – Иногда.

Он поднял посох чуть выше, коснулся им одной из инкрустаций на полу. Тонкий, едва слышный звон побежал по кругам.

Линии на камне засветились – слабо, зелёным и синим. Круги на полу и шар на постаменте на миг стали единым рисунком.

– Запомни, – сказал он. – Малый Круг не покоится. Он всё время качает, жжёт, переписывает. Он запоминает. Ты вчера слышала слово «Формы» – я сказал больше, чем должен был.

Она кивнула.

– Это... как ячейки, – повторила. – Где Песнь хранит, что уже было.

– И кто уже был, – добавил он. – Какие тела выдержали, какие сломались, какие болезни мир пережевал, а какие – нет. – Он зло усмехнулся. – Богам удобно делать вид, что всё это решается раз и навсегда красивым словом. Сердце работает тоньше. Оно ведёт счёт.

Она почувствовала, как у неё внутри что-то сжалось.

– А если... – осторожно спросила, – если Формы ломаются? Если там... ошибок много?

– Тогда, – спокойно ответил Терон, – всё, что она выдаёт наверх, выходит с фальшью. Тела – больными или... не правильными. Души – другими. Болезни, которых не долж-

но быть. Дети, которые не должны умирать. – Он посмотрел на неё. – Ты это уже видишь, даже если тебе говорят «так и положено».

Он снова коснулся шара.

Внутри, под гладким стеклом, мелькнуло нечто похожее на шрам: тёмная прожилка, пересекающая размытый свет.

– Это – схема, – повторил он. – Не пугайся. Настоящий Малый Круг – дальше и глубже, чем может дотянуться наша рука... Пока.

Слово «пока» прозвучало иначе, чем всё, что он говорил до сих пор.

В ту ночь Обитель спала плохо.

Мирия долго ворочалась на жёсткой постели в своей келье. Мрамор стен хранил дневное тепло, но из глубины шёл лёгкий, почти незаметный холодок. Где-то внизу, под залами, под библиотекой, под Залом Новорождённых, шла работа – тихая, тяжёлая, постоянная.

Она заснула рывком – не понимая, когда именно слова в голове стали чужими.

Тьма на этот раз была не пустой.

Там, где обычно ночной мрак просто скрывает предметы, здесь шёл узор. Если долго вглядываться, в ней проступали линии – не светлые, не тёмные, просто более плотные. Нити.

Одни шли почти ровно вниз, другие – дугами, третьи – спиралями. Некоторые пересекались, и в местах пересече-

ния возникали узлы – плотные, как кулак.

В самом центре всего этого висел купол.

Не тот, что она видела на витражах. Не ажурный, небесный. Чёрный.

Не как ночь, а как сгущённая, высушенная до твердости Тьма. По его поверхности шли те самые руны: Марина вязь, Валов строгий чертёж, Хоровые острые зарубки. И поверх – другие, не похожие ни на одну из трёх, угловатые, многослойные. Писцы.

Под куполом лежала Мара.

Не как на стекле. Живая. Неподвижная, но живая.

Мара – не растянутая, как сейчас, а стоячая, с руками, поднятыми к рунам. Под ладонями – Сердце, разрезанное Хором. Под сердцем – её собственный, чуть округлившийся живот. Нити душ тянулись от него так же, как от её висков. Прежде, чем Мирия успела рассмотреть, сон смазался, как вытертый ножом рисунок.

Она была растянута по камню, как Песнь, которую кто-то вытянул до последнего звука. Из груди, из висков, из ладоней шли тысячи тонких нитей. Под сердцем – её собственный, чуть округлившийся живот. Нити душ тянулись от него так же, как от её висков. Но, прежде чем Мирия успела рассмотреть, сон смазался, как вытертый ножом рисунок.

При каждом глухом ударе в глубине купола эти нити дрожали.

Внутри чёрной сферы что-то шевелилось.

Мирия не видела его прямо. Лишь ощущала: там сидит Сила, которая привыкла считать себя стражем и создателем одновременно. При каждом вдохе этого «что-то» часть нитей чуть темнела, как будто кто-то пил из них по капле.

Где-то сбоку, чуть ниже, шли другие ходы.

Они уходили в толщу мира – туда, где находились формы. Эти залы были похожи на соты: каждая ячейка хранила что-то – форму тел, болезней, растений и животных. В некоторых уже шла трещина: прежняя запись спорила с новой.

Где-то сверху, над всем этим, висел ещё один клубок линий.

Серебристые, тонкие, как паутина. Они не были частью Круга – шли над ним. Сочились словами, не похожими ни на одну из земных Песен.

«Слабый свиток...

Слишком много свободы внизу...

Сердце переписано без согласования...»

Легче всего было бы сделать вид, что все эти узлы и нити – просто «учебные схемы». Что где-то наверху кто-то умный уже давно обо всём подумал. Но каждый раз, когда Мирия закрывала глаза, перед ними вставала не схема, а купол над трещащим камнем. И пустое место на полях свитка, на котором ещё никто ничего не написал.

Она не понимала их языка, но смысл чувствовала.

«Этот мир уже испорчен. Может быть, придётся вы-

рвать страницу».

И где-то между этими надписями, почти на полях, мерцала ещё одна строка – не дописанная:

«Мост...?»

Когда она попыталась прочесть её, пространство качнулось.

Купол дрогнул.

Один из швов в его поверхности треснул – едва заметно. Из щели показалась полоска – не Света и не Тьмы. Чёрно-бурым, как ржавый нож.

Мир на миг смазался.

Она падала.

На этот раз – не плавно, а так, будто кто-то схватил её за нить и дёрнул вниз. Нити, уходящие от Мары, от Вала, от мира, от Писцов, скользили мимо. На одном из узлов она зацепилась взглядом: в нём сидело что-то, что не было ни богом, ни человеком. Тяжёлая, бесформенная Тьма, которая уже научилась лепить тела из обломков.

«Ещё придёшь», – сказал кто-то.

Голос был тяжёлым, как удар по камню.

Она очнулась с криком.

Камень кельи был под щекой – холодный, ровный, настоящий. Серые стены, низкий потолок, знакомая обстановка.

В груди билось сердце – не Сердце Мирра, а её собственное. Но к его ударам примешивалось второе биение – глухое, далёкое.

Из глубины.

Утро казалось ещё бледнее, чем обычно.

Мирия шла по коридору к залу для занятий, едва замечая служителей. Мрамор под ногами сегодня отдавал не только теплом. На каждом шагу ей чудилось: камень очень слабо, но дрожит.

Терон ждал её у одного из узких окон.

Свет, просачиваясь через матовое стекло, ложился на его лицо полосами. Он выглядел так, будто не спал ночь. Хотя в Обители никто не говорил о сне богов и Певцов, как о чём-то нужном.

– Ты сегодня... – он всмотрелся в неё, – ...видела больше, чем я успел рассказать?

Она не стала отнекиваться.

– Я видела Малый Круг, – тихо сказала. – И... то, что под ним. Формы. Нити. Купол. – Она сглотнула. – И маму, которая лежит на куполе. И того, кто сидит в нём.

Он закрыл на миг глаза.

– Преждевременный, – пробормотал. – Но не неожиданный.

– Вы знали, что я так или иначе это увижу, – обвинила она.

– Я знал, что либо ты это увидишь сама, либо тебе вложат это в голову другие, – спокойно ответил он. – Я предпочёл бы быть первым.

Она подошла ближе.

– Хор... – произнесла она осторожно. – Он... всё ещё там?

– Да, – сказал Терон. – В Сердце.

– Его... – она подбирала слово, – ...заклучили?

– Темница, – произнёс Терон слово негромко. – Так называл это Вал. Для официальных свитков он выбрал выражение «усиленный круг защиты». Но те, кто там был, – скривил губы, – говорят «Темница».

– Кто там был? – спросила она.

– Только богам известно... – сказал Терон, и не понятно было знает ли он еще что-то.

Она почувствовала, как её тошнит.

Не от еды. От мысли.

– Почему мне об этом не рассказывали? – спросила она.

– Почему в сказках о Хоре говорят только: «*он страж, он честный, он режет лихо, но разумно*»?

– Потому что сказки нужны, чтобы дети не боялись засыпать, – ответил Терон. – А не для того, чтобы они рвались под землю исправлять ошибки богов. – Пауза. – Но ты – не ребёнок. И не «простая».

Она стиснула пальцы.

– Он... – она вернулась к главному, – ...всё ещё режет?

– Да, – сказал он. – Везде, где к Сердцу подбирается что-то «лишнее». Скверна, например, – самую грубую он до сих пор рубит. Но... – он чуть покачал головой, – ...когда меч слишком долго точат и подпитывают, он начинает рубить там, где тоньше. Но мечом сложно вырезать красивую фигурку.

– Фермы, – чуть слышно сказала она. Слово само всплыло. Её сны ещё не показали ей залов с личинками, но чувство «неправильного выращивания» уже сидело.

Терон посмотрел на неё пристально.

– Кто тебе это слово сказал? – резко спросил.

– Никто, – честно ответила. – Просто... почувствовала, что где-то там есть те, кто «не Песнью рожден».

Он молчал дольше обычного.

– Ты видишь глубже, чем многим позволено, – произнёс он наконец. – И это... – он выдохнул, – ...опасно. Но, пожалуйста, уже не остановить.

Он положил руку ей на плечо.

Не как учитель ученице. Как человек, который боится, но всё равно толкает другого в тьму.

– Есть вещи, – сказал он, – о которых в Обители тебе всё равно не скажут никогда. Даже мне. О заключённом. О том, что под ним. О том, что сделали Мара и Вал, когда пытались его обуздать. – Он сжал пальцы. – Мара и Вал – знают одно, вероятно Правду. Писцы – второе, может то же самое, может нет. Люди? Как обычно ничего не знают. Тебе придётся собрать это самой.

– Зачем мне это? – спросила она. – Я... не бог. Я... не Хранитель. Я...

– Ты – та, в чью Песнь уже вписана нота Моста, – оборвал он мягко. – Ты – дочь тех, кто полез в Сердце без разрешения Писцов. И та, кто сама туда ползет, нравится тебе это или

нет.

Она молчала.

Внизу, под мрамором, ударило ещё раз.

На этот раз отчётливее.

Где-то в глубине мира тяжело вздохнуло Сердце. И в этом вздохе, помимо привычного «живём», был другой аккорд: «трещим».

Мирия прижала ладонь к стене.

Холодный камень Обителю не мог передать ей всего – но уже не скрывал.

Совсем глубоко, под залами, под храмами, под городами, под лесами, грохотала и шевелилась машина, собранная богами. И какой-то голос – не Терона, не Мары, не Хора – негромко, но настойчиво шептал:

«Кто - то должен сюда спуститься.

Кто - то, кто не боится не вернуться прежним».

Она ещё не знала, что это шёпот Писцов.

Пока для неё это был просто сон наяву.

Но в эту ночь, если она опять увидит в темноте купол и лежащую под ним мать, у неё уже не останется иллюзий: Малый Круг – не просто круглый узор на полу зала. Это живая, трескающаяся Темница, где заключён не только Хор, но и слишком много чужих жизней.

И её собственная Песнь уже тянется к этому

Глава III. Зал Новорождённых

«Глядя на звёзды, удобно думать о вечности. Глядя на очередь душ, начинаешь думать о чьей-то бухгалтерии».

Терон

В Обители было немало мест, о которых Мирии говорили так:

- В него ты ещё успеешь войти, когда станешь старше.
- В него ходят по особому зову.
- В него... не ходят без надобности.

Зал Новорождённых стоял первым в этом негласном списке.

Официально – зал Форм. Неформально – место, где Мара «принимает» новых, а старых исправляет. Ей показывали его только на витражах и схемах. Сами двери всегда были запечатаны словом «*позже*».

После сна о Малом Круге и разговора с Тероном слово «*позже*» перестало её устраивать.

Коридор к залу не отличался от других.

Тот же белый мрамор, те же прожилки света, те же ниши со светильниками. Только чем ближе она подходила, тем плотнее становился воздух. Свет в стенах здесь был тусклее, будто не хотел отвлекать от главного.

Двери Зала были не резными, не украшенными. Гладкий каменный проём, в который вставлены две створки из серого камня, потемневшего от времени. На высоте человеческого роста – круглое углубление, в нём – плоский диск с тремя пересекающимися кругами.

– Сюда приходят только по зову, – говорил ей когда-то один из Певцов. – Или по приказу Совета.

Сейчас ни зова, ни приказа не было.

Была руна, которую Терон показал ей мельком, будто случайно, в один из прошлых уроков.

«Это – нота доступа, – сказал он тогда. – Запомни. Не спрашивай пока куда именно».

Она запомнила.

Пальцы дрогнули над диском, выстраивая в воздухе невидимый узор. В Обители ноты накладывали не столько руками, сколько намерением. Именно правильно оформленная мысль была ключом ко всему.

Руна легла на камень.

Дверь не распахнулась с гулом – просто внутри что-то щёлкнуло. Тяжесть ушла. Одна створка медленно отъехала в сторону.

Холодный, сухой воздух Зала коснулся лица.

Внутри было почти темно.

Никаких окон, никаких видимых источников света. Лишь из середины зала струилось мягкое, ровное сияние – не жёл-

тое, не белое, а слегка голубоватое, как свет зимней луны в морозном воздухе.

Мирия переступила порог.

Пол под ногами был из мрамора, как и почти всё здесь, но не гладкий, а чуть шероховатый. Стены поднимались вверх без украшений, терялись во тьме. Никаких колонн, никаких изображений. Всё внимание – вверх.

Воздух был плотный, как в церкви после службы. Только вместо запаха ладана – лёгкий, еле уловимый запах дождя. И ещё – того, что в Обители привыкли называть «озоном Песни»: когда слишком много Силы концентрируется в одном месте.

Над центром зала висели сферы.

Не две и не три. Десятки. Сотни. Тысячи.

Каждая – с человеческий кулак или чуть меньше. Полупрозрачные, словно выточенные из тончайшего стекла. Внутри каждой – Свет. У одних – яркий, ровный, тёплый; у других – тусклый, с серым оттенком; у третьих – еле заметный, как уголёк под пеплом.

Они не висели в хаосе.

У сфер был свой порядок.

Ближе к центру – самые яркие, новые. По кругам к краям – тусклее, слабее. Где-то у самой стены висели почти погасшие – как старые лампы перед последним мигом.

Мирия стояла, запрокинув голову.

– Это... души? – прошептала сама себе.

В детских сказках о Зале Новорождённых говорили так:

«Там, под куполом Обители, висят будущие жизни, как капельки воды перед первым дождем. Мара берёт их по очереди, вкладывает в тела, которые сейчас ещё спят в утробах, там, за пределами Обители, в Мирре».

Сейчас это выглядело не как сказка.

Это была очередь.

Сферы мерно дрожали, как дыхание. Иногда одна из них чуть вспыхивала сильнее, словно кто-то к ней прикоснулся невидимой рукой.

Она сделала шаг вперёд.

На самом краю взгляда мелькнуло движение.

В тени возле стены, там, где сферы почти не светились, показался силуэт – кто-то в белой тунике, с платком на голове. Фигура замерла, увидев её, затем бесшумно, почти слившись с тьмой, отступила в сторону и исчезла за колонкой, которой, как ей казалось, раньше не было.

Здесь есть кто - то ещё.

Эта мысль пронзила её, как игла. Но ноги всё равно пошли вперёд.

Она не знала, можно ли трогать сферы.

Ей всегда говорили:

– Не вмешивайся в Песнь.

– Души – не игрушки.

– Одно неверное прикосновение – и нить порвётся.

Но после ночи, в которую она уже «упала» в сам Малый Круг во сне, разница между «можно» и «нельзя» стала размытой.

Она подняла руку.

Одна из сфер висела чуть ниже остальных. Свет в ней был ровный, но не ослепительный. Она тянулась к ней, как младенец тянется к ладони матери.

Пальцы коснулись.

Стекло не было ни холодным, ни тёплым. Оно было «как кожа»: в меру упругое, чуть влажное.

В тот же миг зал исчез.

Не было ни Обители, ни мрамора под ногами, ни сфер над головой. Она стояла в другом месте – высоко, почти там, где во сне она видела Малый Круг.

Перед ней – опять тот самый купол.

Теперь ближе.

Чёрная поверхность с рунами, частью знакомыми, частью – нет. Изнутри доносился глухой, тяжёлый ритм: *дун... дун... дун*. При каждом ударе руны поблёскивали тусклым, болезненным светом.

Над куполом – Мара.

Та же, что во сне. Только теперь она видела детали: как рядом с её виском проходит тончайшая нить, тянущаяся к верхнему Куполу; как по её груди тонкой, почти невидимой линией идёт трещинка, похожая на высохший шрам.

«Она... трескается», – подумала Мирия с ужасом.

Но её внимание отвлекло другое.

Мирр. «Сверху.»

Как если бы её подняли на большую высоту и дали увидеть

Мирр целиком.

Леса, горы, реки – всё вписано в сферу. Но взгляд неизбежно тянулся к одному месту: там, в середине материка, в землю был вбит чёрный «осколок».

Не башня, не гора – кусок чего-то чужого. Его края были рваными, поверхность – местами гладкой, местами покрытой трещинами, как стекло после удара.

От него вверх тянулась тонкая, почти невидимая нить – к самому центру купола Темницы.

По этой нити шло движение.

Часть Силы, которая должна была идти через Малый Круг «наверх», уходила в сторону, к этому Осколку. Часть – обратно.

Словно кто-то пробил дополнительную дырку в своде и теперь качал через неё сколько хотел.

– Это... сейчас? – прошептала она. Голос её растворился в пустоте. – Терон никогда не говорил об этом...

Её мысль прервала «тень».

Где-то между Осколком и Малым Кругом, в тёмных слоях подземных залов, она увидела фермы.

Не отчётливо. Как если бы смотрела через толщу воды.

Комнаты, набитые телами, похожими на людей... Но не правильными, искаженными. Все они были помещены в ка-

кие-то сосуды, висящие рядами как грозди. И над всем этим – одна и та же Сила, дёргающая нити: направляя, отбирая, гася лишнее.

Хор.

«Всё не так как выглядит», – прозвучал в ней чужой голос. – Я держу, но мои Силы на исходе. Мне нужно питаться, иначе купол треснет.

Не грубый, не злой. Скорее – уставший. Как у стражника, который видит очередного ребёнка возле колодца.

«Ты можешь присоединиться, девочка Мары. Пока ещё есть время».

Она хотела ответить – крикнуть, спросить, обвинить, – но не успела.

Кто-то дёрнул за нить.

Она упала обратно – в зал сфер.

Первое, что она почувствовала, – холод.

Пол под ней был каменным, жёстким. Щека, лоб, ладонь – всё болело, как после удара. Кожа в месте, где она касалась сферы, пекла, будто туда приложили лёд, а потом – огонь.

Сферы над ней всё ещё висели.

Но одна – та, к которой она тянулась, – «почернела».

Не сразу, не целиком – изнутри, как если бы пламя, наоборот, пошло внутрь и сжигало Свет по крупичкам. Через несколько вдохов от прежнего сияния не осталось и следа. Осталась пустая, мутная оболочка.

Мирия села, мотнув головой.

Мир поплыл.

Во рту был вкус ржавчины. В ушах – гул: не Песнь, не шёпот, а тупой, глухой звон, как после удара по колоколу слишком близко.

Где-то на краю зрения мелькнула тень.

Тот самый человек в белой тунике, прятанный в стороне, теперь стоял в проёме двери. Он посмотрел на неё серьёзно, без испуга и без участия. На мгновение их взгляды встретились.

Он слегка поклонился – не ей, а... «Залу». Как будто удовлетворён: «она увидела». Потом вышел, бесшумно прикрыв створку.

Он... знал, – мелькнула пустая мысль.

Она поднялась, держась за ближайшую колонну, и впервые за всё время почувствовала, что стены Обители «не рады» ей.

Не враждебны – насторожены, как дом, в который притащили чужую грязь.

Сферы над головой мерцали. Те, что висели ближе к центру, светились ровно. Те, что на краях, слабо тряслись. Одна, в дальнем ряду, мигнула и погасла, даже без её участия.

Мирия вышла из Зала Новорождённых шаткой походкой.

Коридор казался длиннее, чем обычно. Свет в стенах – тусклее. Служители, попадавшие навстречу, отворачива-

лись слишком быстро, будто не видели её. Или делали вид, что не видят.

У одного из поворотов она заметила то, чего раньше не было.

Тонкая, словно начерченная ножом, трещина в мраморной облицовке. Не большая – чуть длиннее ладони. От неё вверх и вниз шли едва заметные, как паутинка, отростки.

Она остановилась, провела по ней пальцем.

Камень под подушечками был прохладным. И под этим холодом, очень глубоко, шла лёгкая дрожь.

«Сердце», – подумала она.

Пульс Малого Круга, который она видела во сне, теперь отдавался буквально в стенах Обителя. Не громко, не так, чтобы падали люстры, – но «постоянно».

– Ты не должна была туда ходить одна, – сказал за спиной голос.

Она обернулась.

Терон стоял на несколько шагов дальше, прислонясь к колонне. Он выглядел ещё более усталым, чем утром. На платке, обмотанном вокруг запястья, проступило новое тёмное пятно – чернила или кровь, не поймёшь.

– Но ты же... – вырвалось у неё, – ...ничего не сказал.

Он усмехнулся.

– Если бы я тебе сказал «иди», – ответил, – это была бы моя вина. – Он указал подбородком на трещину в стене. – Но я хотел сходить туда вместе с тобой. Но теперь есть трещины

– и они твои.

В этом была жестокая честность.

– Что... – она сглотнула, – ...значит, что одна сфера... потухла?

– То, что одна жизнь пойдёт иначе, чем была записана, – сказал он тихо. – Иногда – не хуже. Иногда – хуже. Мы не всегда можем узнать. – Он посмотрел на неё. – Но теперь ты знаешь: любое прикосновение – меняет. Ты хотела правды. Вот она.

Она прижалась спиной к камню.

В груди снова ударило «второе» сердце – то самое, из сна. Её собственный пульс смешивался с глухим биением мира.

– Я не хочу... – выдохнула она.

– Я тоже, – понял ее без лишних слов Терон. – Но Сердцу, увы, всё равно, чего мы хотим. Его интересует, кто «может».

Он снова положил ей руку на плечо.

– Ты просила правды, Мирия, – напомнил он. – Правда – это не только красивые легенды о Троице и Кругах. Это ещё и пустые сферы, трещины в стекле и мальчишки, которые бегут из тёмных дыр, бормоча «что-то про не таких, как мы». – Он посмотрел ей в глаза. – Ты готова к этой правде?

Она не стала отвечать.

Внизу, под мрамором, ударило опять.

И где-то далеко, в горах, варился в кошмарах Аллай, единственный выживший. Его «там не люди» уже подбирались к уху Андрогаста. А в Обители, под витражами, одна девочка

впервые поняла, что «сама» стала трещиной в чужом камне.

Глава IV. Покои Мары, Совет, Побег

«Иногда легче молиться за умирающий мир,
чем пустить туда ребёнка с руками
по локоть в правде».

Терон

Дорога в покои матери всегда казалась Мирии длиннее,
чем было положено.

Не потому, что путь был особенно запутан. Просто каждый шаг к этим дверям тянул за собой то, что она ещё «не сказала» – и то, что уже «знала» и не могла развидеть.

Коридор, ведущий к покоям богини, отличался от остальных мало.

Те же стены, тот же мрамор, тот же свет. Только здесь он был мягче. Прожилки в камне светились не ровным белым, а чуть золотистым – как свет, проходящий через тонкие осенние листья. Светильников в комнате не было – весь свет излучали сами стены.

Перед дверью стояли двое стражей.

Не люди с копьями – Певцы, усиленные рунами. На их туниках поверх обычного знака Обитатели был вышит ещё один: круг, перечёркнутый тремя линиями, и маленький завиток

сверху – знак, что они «при назначении».

Они видели её с детства.

И всё равно, когда Мирия подошла ближе, один из них автоматически поднял руку, как будто хотел, что-то сказать по уставу.

– Леди Мирия, – начал он, – Совет...

– Совет может подождать, – перебила она. – Мама...нет.

Тон у неё был не дерзким. Просто «усталым».

Стражи переглянулись. По голосу Мирии было件нятно, что за её интонацией скрываются глубокие чувства, и оставив дочь на пороге матери они не хотели.

У того, что стоял справа, на лбу выступила тонкая полоска пота. Левый чуть опустил взгляд – не в знак покорности, в знак «нежелания спорить».

– Войдите, – сказал он.

Дверь была тяжёлой.

Мирия толкнула створку обеими руками, чувствуя под пальцами знакомую шероховатость. За столько лет она запомнила каждую царапину на этом дереве – это было едва ли не единственное «живое» дерево в Обители, не обращённое в камень.

Внутри пахло тишиной.

Не травами, не лекарствами, не благовониями – их здесь почти не было. Пахло тем самым, что остаётся в комнате, где давно «никто не говорит вслух».

Комната была простой.

Высокий свод, несколько узких окон под самым потолком, завешенных тонкой тканью, чтобы не пугать светом. Стены – без картин и украшений. Только в нишах – по одному сферическому светильнику, внутри которых тлел мягкий, ровный огонь.

В центре – ложа.

Не трон, не алтарь. Просто низкое, широкое ложе из камня, покрытое тонким слоем ткани поверх не очень толстого упругого матраса. На нём – Мара.

Сейчас она не была богиней витражей.

Лицо бледное. Не мертвенно – прозрачно. Скулы тонкие, губы чуть сжаты. Веки опущены. По вискам, шее, рукам шли те самые «нити», которые Мирия видела во сне: тончайшие, почти невидимые световые волоски, тянущиеся сквозь свод палаты «выше», к Куполу, и «ниже», к Сердцу.

Грудь её под тканью едва заметно поднималась и опускалась. Движение было не её – Песни.

Мирия подошла.

Села на край ложа. Так, как делала, когда-то в детстве, только тогда ей разрешали. Тогда мать ещё улыбалась и гладила её по голове. Сейчас – не пошевелилась.

– Мама, – сказала она негромко.

Слово прозвучало чуждо в этом зале. Здесь чаще срывалось «Владычица», «Мара», «Матерь Душ». «Мама» здесь было слишком личным.

Ответа не было.

Она неловко рассмеялась – без смеха.

– Знаешь... – начала, чувствуя, как в горле собирается что-то острое, – ...мне тут рассказывали, как вы красиво всё сделали. Круги, Купол, Песнь. Как ты души... отбираешь, чистишь, отправляешь куда надо.

– Только никто не сказал, – продолжила, – что в этом зале есть такие, как я. – Она ухмыльнулась криво. – Неправильные. Ноты между строк.

Она стиснула пальцы на покрывале.

– Я видела, как Хор сидит в Темнице. – Голос становился резче, чем она хотела. – Я видела Формы, что трескаются. Я экспериментировала с одной... – она задержала дыхание, – ...и одна сфера в Зале потухла.

– Скажи, когда вы с Валом полезли в Сердце, – шёпотом сказала она, – ты уже носила меня?

Слова повисли в тишине.

– Ты... – она судорожно вдохнула, – ...лежишь здесь, кормишь своей Силой эту яму. Я вижу тебя в видениях лежащей над самым куполом – ты с ним связана слишком тесно. А наверху Писцы уже пишут, что твой мир «слабый свиток». – Она сжала зубы. – А мне они оставили роль... чего? «Моста»? Расходника? Очередной трещины? Интересного нового опыта?

Глаза защипало.

– Я не просила, – сорвалось. – Я не хотела быть... этим. Я не хотела, чтобы через меня кто-то правил твои же ошибки.

Или ошибки Хора. Или Писцов.

Она почувствовала, как внутри поднимается злость.

– Почему ты мне ничего не сказала? – спросила она уже громче. – Почему ты тогда, когда ещё «говорила», – не рассказала, что под тобой Темница, что под ней Формы, что есть Фермы, где людей выращивают как... как каких-то личинок?

Последнее слово вырвалось само, с привкусом увиденного в чужой голове Аллая, хотя она его не видела ещё глазами.

– Я... дочь, – выдохнула она. – Я должна была знать. Или хоть... иметь право выбора.

Рука Мары лежала на покрывале – открытая, пальцы чуть согнуты.

В детстве эта рука казалась ей неуязвимой: тёплой, сильной, способной одним движением унять любой страх. Сейчас ладонь была лёгкой, как у больной.

Мирия протянула свою.

Дотронулась.

Кожа была тёплой. Не горячей, не холодной – «ровной». Как у человека, которого держат в одном состоянии, не давая ни умереть, ни проснуться.

В тот миг, когда её пальцы легли на пальцы Мары, что-то дрогнуло.

Не рука.

Песнь.

Едва заметный «отклик» по нитям, тянущимся из Мары к Сердцу. Как если бы, где-то далеко внизу на миг перестала

срабатывать одна из заслонок, и в систему попало постороннее дрожание.

Мирии показалось – или ей дали почувствовать – крошечную, почти невесомую мысль:

«*Вижу*».

Она прижала ладони сильнее.

– Я боюсь, – сказала она тихо. – Боюсь, что буду просто смотреть, как наш мир ломается. Боюсь, что стану такой же, как Терон: знающим и... бессильным.

На слово «бессильным» Песнь вокруг чуть дрогнула. Возможно, совпадение. Возможно – само Сердце «обиделось».

– Я не хочу лежать тут, как ты, – добавила она. – И не хочу сидеть в Темнице, как он. Но я... хочу хотя бы попытаться что-то исправить.

Она отпустила руку.

– Так что... – выдохнула, – ...если ты всё ещё слышишь, не держи меня здесь. Лучше пусть мир убьёт меня сразу, чем я буду умирать по капле, как ты. Прости меня за мои жестокие слова. Я люблю тебя, мама. Но я должна что-то сделать.

Это не была молитва.

Решение.

Она поднялась.

Перед тем как выйти, обернулась ещё раз.

Ничего не изменилось.

Мара лежала так же. Нити шли так же. Светильник в нише чуть дрожал. Но Мирии казалось, что где-то глубоко, под

слоями чужой Песни, «что-то» всё-таки сдвинулось.

Она не знала, что в этот момент по своду над Обителью прошла тончайшая трещина – ещё одна, к уже имеющимся. Писцы наверху сделали пометку: «Мост двинулся».

Совет Обители собирался в зале, который больше напоминал не священное место, а хорошую шахматную доску.

Квадратный, высокий, без витражей. Стены – голый мрамор. В центре – круглый стол из тёмного камня, вокруг – кресла. На стене напротив входа – старый, потускневший от времени символ: тот же круг с тремя линиями, что на знаке Обители, только без блеска. Без подсветки.

Мирии в этот зал входить не положено.

Но сегодня её вызвали.

– Леди Мирия, – сухо произнёс один из Певцов, встречая её у двери. – Совет желает поговорить с тобой о твоих... поступках.

Слово «поступках» прозвучало с явным привкусом «выходок».

Внутри за столом сидели семь человек.

Троих из них она знала по именам: Миран, настоятель Обители, пожилой мужчина с белыми, как снег, волосами и взглядом, в котором усталость давно победила большинство эмоций; Леди Синна, отвечающая за Зал Душ; и Терон – не рядом с ней, а «в кругу».

Это было непривычно – и немного неприятно.

Он всегда казался ей чем-то вроде «связующего звена» между ней и Советом. Сейчас он был по ту сторону стола.

– Подойди, – сказал Настоятель.

Она подошла, остановилась на расстоянии пары шагов. Не кланялась – здесь так не требовалось, но и голову не зади- рала.

– Нам сообщили, – начал один из Певцов, чей голос она раньше слышала только за витражами, – что ты «самоволь- но» входила в Зал Новорождённых.

«Сообщили» – значит, тот человек в белой тунике не про- сто выглядывал. Он «наблюдал».

– Да, – ответила она. – Я входила.

– И прикасалась к Формам, – добавила Леди Синна. В её голосе не было ни гнева, ни сострадания. Только усталое раз- дражение человека, которому испортили сложную работу.

– Прикасалась, – кивнула Мирия.

– Одна из сфер... – Настоятель поморщился, будто гово- рил о трещине в алтаре, – ...погасла.

В зале на миг стало тише.

Не потому, что это была невосполнимая утрата – такие вещи случались. Но потому, что тот, кто это сделал, сейчас стоял перед ними.

– Что ты чувствовала, когда... – начал один из Певцов, но Леди Синна перебила:

– В Зал Душ ходят по чьему-то зову. Тебя не звали. По- чему ты решила, что можешь вмешиваться?

Мирия подняла глаза.

– Потому что каждый день вижу, как Песнь ломается, – сказала она. – И не могу не спрашивать: *никакого ли вмешательства до этого не было?* – Она посмотрела по кругу. – Хор сидит в Темнице и делает с Сердцем, что хочет. Мара лежит в Обители, пока её Сила уходит по капле. Писцы наверху уже пишут, что мир «слабый свиток». Но меня от всех этих дверей «держат подальше». – Она сжала кулаки. – Я... хотела хотя бы посмотреть, как всё это выглядит с начала. Откуда вы берёте тех, кого потом отправляете в мир умирать за чужие ошибки.

Тишина стала плотнее.

Настоятель закрыл глаза на миг.

– Откуда ты знаешь про Темницу, дитя? – настороженно спросила леди Синна.

– Она – не ребёнок, – спокойно вставил Терон. – И не «простая душа». Она – «та, через чью Песнь мы ещё можем достучаться до Сердца».

Леди Синна сверкнула глазами:

– Ты оправдываешь её? После того, как она погасила одну из сфер?

– Я объясняю, – поправил он. – Погасла не Форма. Погасла запись. Душа пойдёт другим путём. – Он посмотрел на Мирию. – Вопрос – каким.

– И это ты называешь «объяснить»? – рявкнул другой Певец. – Девочка лезет в самые хрупкие узлы без подготовки

и без спроса.

– А вы... – внезапно перебила Мирия, удивляясь собственной наглости, – ...лезли в Сердце просто потому, что Трое вам позволяли? – Она посмотрела на них. – Вы ставите руны, закрываете ходы, выравниваете Формы. Кто-нибудь из вас, когда-нибудь спрашивал разрешение у Писцов? У самого Сердца?

Несколько человек поморщились, словно она ударила по ноющему зубу.

– Мы действуем по уставу, – холодно сказал один.

– Устав писали боги, – парировала она. – И где они?

Настоятель поднял руку, осаживая спор.

– Хватит, – сказал он. – Мы здесь не для того, чтобы переливать вину друг на друга. – Его взгляд стал тяжёлым. – Мирия. Обитель не справляется. Это мы знаем. Ты хочешь помочь. Это... – он чуть усмехнулся, – ...честнее, чем закрывать глаза.

Она ждала «но».

Оно не заставило себя ждать.

– Но, – продолжил он, – ты не понимаешь пока, «чем» платишь. Любое твоё движение – меняет узлы, которые мы годами держали как могли. – Он кивнул Леди Синне. – Мы не можем позволить тебе и дальше ходить туда, куда мы и сами ни разу не спускались.

– И что вы сделаете? – спросила она. – Запрёте меня в келье? Прикажете не думать?

– Запретим тебе спускаться ниже этой галереи, – отрезала Синна. – Пока мы не будем уверены, что ты не разломаешь всё одним жестом.

– Вы уже «не уверены ни в чём», – тихо сказала Мирия. – И в себе – тоже.

Это было, пожалуй, самое дерзкое, что она когда-либо говорила.

Совет не стал выкрикивать приговор.

Они смотрели на неё долго. Кто-то – с укором. Кто-то – с усталостью. Кто-то – с плохо скрываемой надеждой: «может, у неё получится то, на что мы сами не решились».

– Иди, – наконец сказал Настоятель. – В свою келью. Пока.

Слово «пока» прозвучало так же, как из уст Терона, когда он говорил о Малом Круге.

Терон догнал её уже в коридоре.

– Ты гордишься собой? – спросил он без привычной усмешки.

– Нет, – ответила она. – Я... понимаю, что сделала глупость. – Она посмотрела на него. – Но, если бы я это не сделала, думала бы теперь, что схему можно исправить, просто сидя в библиотеке.

Он кивнул.

– На этом уроке ты поняла главное, – сказал он. – Любое твоё движение «откликается». Души, Формы, Темница, Писцы – всё слышат.

– А ты? – спросила она. – Ты слышишь?

– Я? – он вздохнул. – Я давно уже только слышу. Делать мне уже почти ничего не позволено. – Плечи его едва заметно опали. – Поэтому я и толкаю тебя. Не от хорошей жизни.

Они остановились у окна-щели.

За ним виднелась полоска серого неба. Где-то там, за Курполом, Писцы ещё решали, вырвать страницу или дать Мосту поиграть с чернилами.

– Они не отпустят тебя, – тихо сказал он. – Ни Совет, ни Обитель, ни те, кто выше. Они будут пытаться держать тебя здесь, пока можешь петь «как положено».

– А я не могу, – прошептала она.

– Знаю, – кивнул. – Потому что под этим мрамором ты уже слышишь «мотив другой Песни». – Он посмотрел ей в лицо. – Пора.

– Пора что? – сердце кольнуло.

– То, чего Обитель боится больше всего, – ответил он. – К тому, что ты уйдёшь.

Ночь в Обители не была тёмной.

Даже когда гасили свечи и затихали песнопения, стены хранили остаточный свет. В жилах мрамора шёл слабый, ровный огонёк, чтобы души, блуждающие в Залах, не заблудились.

Мирия сидела на краю кровати, одетая.

Перед ней – небольшой свёрток: сменная одежда,

несколько листов пергамента, маленький нож, мешочек со снедью на пару дней и немного воды – всё, что она могла назвать «своим». Амулет с маленьким знаком Мары висел на шее и казался тяжелее обычного.

«Я правда это делаю?»

Мысль была не столько сомнением, сколько удивлением.

За дверью стояла тишина. Лишь изредка слышались мягкие шаги ночной стражи. Где-то вдали – глухой, ленивый звук: меняли караул у более важных дверей.

Она поднялась.

Подошла к стене, провела рукой по камню.

– Прости, – почти беззвучно сказала она Обителю. – Я не против тебя. Я... против того, что ты закрываешь глаза.

Камень, разумеется, не ответил.

Но ей показалось, что под пальцами прошла та самая лёгкая дрожь, которую она уже научилась узнавать: Сердце.

Коридоры в это время были пусты.

Она шла не прямым путём.

Не к главным воротам, не к парадным лестницам. Терон показал ей, когда-то схему «старых ходов»: тех, которыми, когда-то ходили Первородные, пока Обитель не научила людей "умирать". Теперь в неё путь открыт лишь их душам.

Сейчас эти ходы заперты рунами.

Но, не для тех, кто знает, «какую ногу сдвинуть».

У одной из боковых дверей она остановилась.

Небольшой, неприметный проём, который служители ча-

ще всего обходили стороной – привыкли считать его «ненужным». На камне – старый, почти стёртый знак: круг, перечёркнутый кривой линией.

– Это... – вспоминала она слова Терона, – ...место, где стены Обители соприкасаются с тем, что вне её Песни. Когда-то через неё ходили Первые, за очищением. Теперь этими ходами никто не пользуется.

Она подняла руку.

Руна, которую он показал ей в библиотеке под видом «абстрактного примера изменения ноты», сама всплыла в памяти.

– Ты знаешь, что делаешь? – спросил тот же внутренний голос.

– Нет, – ответила она честно. – Но хуже, чем ничего, уже не будет.

Она начертала знак.

Камень дрогнул.

Не сильно – будто древний механизм, забывший о своём назначении, попытался вспомнить. Потом с хрипом, скрипом отъехала внутрь панель – открывая узкий, тёмный ход.

Из него пахло реальной, непривычной ночной прохладой.

Не очищенным воздухом Обители, не выверенным сквозняком. Сыростью, землёй, травой. И ещё – очень слабым, но явным запахом: «Скверны».

Она вздрогнула.

– Дальше... – прошептала, – ...другой мир.

Она шагнула в темноту.

Ход оказался уже, чем коридоры Обители. Стены – сырее. Камень под ногами хлюпал старой водой, а не хранил выверенное тепло. Запах здесь был совсем другим: влажной земли, плесени, старых корней. Никакого воска, никаких трав.

Через несколько десятков шагов свет, просачивающийся из трещин Обители, остался позади. Впереди была только слабая, серая полоска – выход под склоном холма, чёрные силуэты редких деревьев и полоска чужого неба.

Мирия оглянулась в последний раз.

За её спиной камень уже стал просто камнем. Обитель не отзывалась, не звала, не пыталась удержать. Только где-то очень глубоко под подошвами всё ещё шёл знакомый глухой удар Сердца.

Она поправила на плече сумку, втянула холодный воздух – резкий, с привкусом сырого ветра – и пошла прочь, не оглядываясь.

Когда её шаги стихли в зарослях, тень отделилась от стены старого хода.

Кто-то стоял в том самом месте, где мрамор Обители соприкасался с живой породой, прислонившись плечом к шву. Плащ сливался с темнотой, лицо было скрыто капюшоном. Лишь рука, обнажённая до запястья, на мгновение вышла из

тени – тонкая, жёсткая, с узкими пальцами.

Он слушал не её шаги – «ритм» под ногами. Как меняется удар Сердца, когда из-под купола уходит та, кого оно уже отметило.

– Поздно прятать трещины, – негромко сказал он в пустоту.

Камень, разумеется, не ответил.

Тень развернулась и растворилась в темноте леса. Снаружи, под чужим небом, одна девочка впервые шла по земле без Песни Обители над головой.

А мир – тот самый, который Трое, когда-то нарисовали кругом на полях свитка, – сделал ещё один тихий надлом в сторону неизвестного.

Где-то под ногами снова мягко, но отчётливо ударило. Сердце. И в этом ударе было: трещим.

В Обители пропажи не случались.

Если ребёнок терялся в деревне, его находили у реки или в амбаре. Если пропадал служитель в городе, его искали в тавернах. В Обители же считалось, что, пока над головой держится мрамор и Песнь, исчезнуть «некуда».

Поэтому утром никто не подумал, что леди Мирия именно «исчезла».

Сначала – просто не пришла в зал к привычному часу. В расписании занятий её нота стояла там же, где всегда: «Терон. Урок о Кругах. Третья стража». В кельях служки шур-

шали, собирая воду и свитки, кто-то шёпотом пересказывал вчерашние сны. Певцы привычно проверяли списки тех, кто должен был явиться в Зал Душ, в библиотеку, к витражам.

Имя «Мирия» светилось на свитке тонкой, аккуратной чертой – как всегда.

К обеду нота не прозвучала ни в одном из залов.

Хранитель переходов – тот самый сухой человек, который всю жизнь следил, кто и куда входит, – встал у своей стены с линиями и почувствовал, как по коже побежали мурашки. По мрамору тянулось множество тонких светящихся нитей – следы ходов. Каждый знак, обозначающий ученика или Певца, тянул за собой мягкий след: «здесь был, туда пошёл».

След Мирии был особенным.

Он шёл от кельи к залу, где они вчера с Тероном смотрели на кристаллическую сферу, потом – к Залу Новорождённых, потом – к Покоям Мары. Дальше – к боковому коридору, который вёл к старым ходам.

И там обрывался.

Не возвращался ни к витражам, ни в келью, ни к столам.

– Может, запись потускнела, – пробормотал Хранитель, проводя пальцем по свитку. Нить не вспыхнула, как бывало при простых ошибках. Её просто не было.

Он сходил к её двери.

В келье пахло вчерашним днём: чуть подсохшими чернилами, камнем, который ещё хранил тепло чужих шагов, и свитком, оставленным на столе раскрытым. Подушка на по-

стели была гладкой. Амулет Мары отсутствовал.

– Она ушла не спать, – тихо сказал он одному из младших Певцов. – И не вернулась.

Через час об этом уже знал Совет Обители.

Зал Совета не любил суеты.

Он был выстроен без витражей – только мрамор, стол, каменная тишина. Здесь не пели. Здесь предпочитали говорить мало.

Настоятель Миран сидел, чуть склонившись вперёд. Белые волосы спадали на плечи, глаза казались тяжелее, чем обычно. Леди Синна держалась прямо, как отточенный клинок: руки на коленях, губы сжаты в тонкую линию. Терон стоял чуть в стороне, опираясь ладонью на посох, как на ещё одну ноту.

– Нити не врут, – закончил доклад Хранитель. – Она вышла через старый ход. Дальше – пустота.

– Ход был опечатан, – сухо напомнила Синна. – Словами, рунами, песнями. Откуда у неё нота доступа?

Терон не отвёл взгляда.

– Из моих рук, – сказал он спокойно. – Я показал ей знак. – Плечи его едва заметно дёрнулись. – Не сказав, куда именно ведёт.

В зале стало ещё тише.

– Ты сознательно открыл перед ней дверь, – произнёс Миран. В голосе не было грома – только усталость человека, ко-

торый и сам всё понимает, но вынужден задать этот вопрос.
– Почему?

– Потому что видел, – ответил Терон, – что, если не откроем мы, откроют другие. – Он кивнул в сторону витражей, невидимых отсюда, но всегда присутствующих в его речи. – И тогда она пойдёт туда, куда велят, а не туда, куда ей нужно. Либо Темница позовёт, либо Писцы – какая, в сущности, разница, если её Песнь всё равно сведут в одну строку?

Леди Синна вспыхнула глазами:

– Ты осознаёшь, чем рискуешь? Девочка не просто «видит сны». Она уже была в Зале Новорождённых без разрешения, одна. Она гасит Формы одним касанием. А теперь ещё и ушла из-под нашего Купола.

– Если бы она осталась, – мягко возразил Терон, – её бы рано или поздно позвали в те залы, куда и мне вход перекрыт. – Он чуть усмехнулся уголком рта. – И там, за закрытыми дверями, её бы всё равно использовали. Только уже не так, как она сама выбрала бы.

Миран поднял руку, осаживая их.

– Спор о вине оставим на потом, – сказал он. – Сейчас важнее, что делать дальше. – Он перевёл взгляд на Хранителя. – Ты уверен, что нить обрывается у старого хода?

– Да, лорд Миран. Дальше – только белый камень. Старые каналы не отслеживают тех, кто вышел за стену. Для этого нужны... другие уши.

«Хранители» и «Мечи» в Обители редко называли вслух.

Но все понимали, о ком речь.

Синна чуть сжала пальцы.

– За стенами такая Песнь... – произнесла она осторожно, – станет приманкой. Для тех, кто ищет чудо. И для тех, кто ищет повод.

– И для тех, и для других – да, – кивнул Миран. – В деревне её легко назовут ведьмой или святой. В наших храмах – искушением. – Он помолчал. – Хуже всего будет, если первыми до неё доберутся Мечи.

Терон чуть склонил голову.

– Или если первыми до неё доберутся Писцы, – добавил он не громко.

Эта мысль в зале повисла, как холодный сквозняк.

– Они и так уже знают, – продолжил он. – Там, где свитки, редко упускают строки, которые сами вписали. – Он посмотрел на Настоятеля. – Мы можем послать весть наверх и честно признать: Мост ушёл из-под нашего свода. И можем... промолчать о деталях.

Леди Синна резко обернулась:

– Ты предлагаешь скрыть от них, что она была в Зале Новорождённых? Что видела Формы? Что уже чувствует Сердце?

– Я предлагаю не подталкивать их перо к краю страницы быстрее, чем это делает сам Мирр, – ответил Терон. – Одно дело: «Мост ушёл». Другое – список всего, что она успела натворить под нашим куполом.

Миран долго молчал.

Где-то глубоко, под мрамором, Сердце ударило – глухо, упрямо. В этом ударе слышалась та самая новая нота, тонкая, как волос, тянущаяся от Мары к чему-то ещё.

– Хорошо, – сказал наконец Настоятель. – Мы сообщим наверх, что дочь Мары ушла из Обители без разрешения. – Пальцы его сжались крепче. – И что мы... не смогли её удержать.

Он смотрел не на Терона – на свод.

– Мы не будем перечислять, где именно она была. Пусть сами считают трещины.

Синна хотела ещё возразить, но сдержалась. Слова «не смогли удержать» были для неё тяжелее «ушла».

– И что с Тероном? – спросила она холодно. – Он сам признаётся, что дал ей ключ.

– Терон уже слишком давно живёт с ответами, которые нельзя выкрикивать на Совете, – устало сказал Миран. – Наказывать его сейчас – всё равно что выбить подпорку из-под треснувшего свода.

Терон усмехнулся краем рта.

– Я уже наказан, – сказал он. – Тем, что знаю, куда она теперь пойдёт. И тем, что не смогу ей там помочь.

Он вышел из зала последним.

В коридоре он остановился у знакомого витража.

Мара'Аррия над Кругом, Вал'Аллариэль, Хор'Аррес. Золотые линии. Трещины в стекле, идущие от рук Мары к са-

тому Сердцу, в последнее время стали ещё заметнее. Но сегодня Терон увидел то, чего не замечал вчера: в глубине зелёного сегмента, под самым сводом, тонкая ниточка стекла пошла в сторону, которой в первоначальном рисунке не было.

Микроскопическая, но своя.

– Ты уже там, – тихо проговорил он. – Где мы даже мысленно боимся бывать.

Где-то в глубине мрамора, под залами, под библиотекой, под Залом Новорождённых, Сердце снова мягко ударило. И в этом ударе был новый оттенок: кроме привычного «живём» – лёгкое, почти неслышное «сопротивляемся».

Глава V. Андрогаст в крепости

«Камень помнит только то, что в него вбили.

А Хранитель – то, что не смог
сам добить»

Андрогаст

Север бил в стены, как пьяный в дверь, где ему больше не рады.

Ветер ревел, выл, шёл порывами, таская по небу клочья серой ваты. Снежная крупа летела пригоршнями, скребла по лицу и камню, шуршала на зубах. Иногда казалось: если вый-ти за стену и встать прямо – хватит одного неудачного вдоха, и тебя вылижут из мира без следа.

Замок Хранителей не строили красивым.

Его вытолкнули из скалы, как гной из нарыва, и оставили – серый, угловатый, без лишних башен. Никто не задумывал его как крепость – кому придет в голову штурмовать Обитель Хранителей? Камень здесь не шлифовали: так и ложился, как слез с горы. Трещины не заделывали до конца; в них забивался снег, замерзал, рвал дальше. В этих швах жила правда: ничто не держится вечно.

Гаст стоял на верхней галерее и смотрел вниз.

Лес начинался сразу за отвесом – чёрно-зелёная шерсть земли. Дальше – хребты, завернутые в туман. Над всем этим,

выше облаков, висел купол мира. Его здесь не видно, но он всё равно был – как давняя травма: не видишь, а чувствуешь, как тянет на погоду.

Он чувствовал трещины.

Не глазами. Костей хватало. Камень под сапогами отдавал что-то похожее на биение: где-то далеко, за горизонтом, свод Мирра опять выл, опять поддавался под чужим нажимом. Как старая дверь, которую всё забывают смазать.

– Опять скребёт, – пробормотал он.

Ворон, сидевший на зубце рядом, каркнул, согласившись.

Птицы здесь были свои – Орденские. Такие никогда не заблудятся в метель и всегда найдут получателя. А все дело в том, что сам Вал приложил к ним свою божественную руку. С виду обычные, но умнее и что самое важное – они имеют мысленную связь с каждым из членов Ордена, и в особенности с Гастом. Чёрные, как смоль и немного крупнее обычных они практически не имели равных в воздухе. Они жили на зубцах, на карнизах, на кончиках стрельчатых башен, но в их полном распоряжении был целый загон во дворе.

Ворона наклонила голову, глядя на него одним глазом.

– Это не про тебя, – сказал он ей. – Ты чуешь, когда что-то дохнет. Я – когда мир трещит.

Птица каркнула ещё раз – как будто «и что дальше?» – и взлетела. Чёрное пятно оторвалось от стены, смешалось с метелью, пропало.

Сзади, по каменным плитам, прозвучали шаги.

Размеренные, чуть глухие – броня поверх мягкой подошвы. Не спешка, не бег. Человек, который знает, куда идёт, и не видит смысла мять воздух впусую.

– Мастер Андрогаст, – сказал голос у входа на галерею. – Прилетел ворон.

Гаст не обернулся сразу. Дал ветру ещё раз ударить в лицо, как плетью. Потом отстранился от парапета, повернулся.

В проёме стоял один из молодых – по меркам Ордена. Тридцать с небольшим, без седины, без старых шрамов на лице. На груди – кираса с тремя аккуратными зарубками – каждая за вылазку, откуда вернулся весь отряд.

– Что принёс? – спросил Гаст.

Юноша протянул свёрнутую полоску пергамента.

– От северного кордона, – сказал он. – Печать – Арей.

Имя поставило точку в разговоре.

Арей был из тех, кто слишком молод, чтобы молчать, и достаточно умен, чтобы писать, не спрашивая разрешения. Его отряд стоял ближе всех к Чёрному Лесу. Если он писал – значит, или его прижало, или уже прижало весь Север.

Гаст взял письмо.

Пальцы сами нашли знакомый узел на шнуре. Печать – простая, восковая, без лишних символов. Он сломал её, развернул пергамент.

Почерк был резкий, неровный, как у человека, привыкшего писать на колене, а не за столом.

«Мастеру-Хранителю Андрогасту.»

Пишет вам Арей, Хранитель северной горной заставы.

Вчера люди с наших патрулей нашли в горах выжившего мальчишку. Имя – Аллай, лет по виду 14–15. Из пятерых, что ушли в закрытый перевал (по их словам – по карте старика, "за сокровищами"), вернулся один.

Состояние – истощён, напуган, говорит бессвязно, но кое-что повторяет: – "там не наше"; – "люди спят стоя"; – "мясо ходит"; – "они в стенах".

На теле следов звериных укусов нет, только ссадины и следы длительного голодания. Пахнет, простите за выражение, не болотной Скверной и не гнилью, а чем-то иным.

Мы перекрыли тот перевал, по уставу поставили метки "не ходить", но сами туда не спускались: состав у нас слишком мал.

Прошу указаний.

Арей.»

Гаст дочитал и повёл большим пальцем по краю пергамента.

Скверной его было не удивить. Он видел её в болоте, где кости вылезали на поверхность, как грибы после дождя. Видел в Лесу, где деревья обрастали чужими ртами. Видел в людях, когда чёрное пятно под кожей ползло вверх, пока не начинало говорить чужим голосом.

Но «люди спят стоя», «мясо ходит», «они в стенах» – это было не из привычного списка.

– Не болотная, – тихо сказал он. – И не лесная.

Скверна любила типы. Та, что жила в топях, вела себя, как гниль. Та, что заводилась в старых могилах, – как плесень. Здесь было что-то другое. Пахнет «не гнилью, а чем-то иным» – Арей слова зря не тратил.

Что-то иное в его ремесле почти всегда означало: или новая форма, или старую кто-то подкармливает иначе.

Этого хватало, чтобы дело перестало быть «ещё одной зачисткой».

– Я отвечу сам. – сказал Гаст, складывая письмо.

Юноша кивнул и исчез в проёме.

Гаст ещё раз взглянул на серый лес, на хребты за ним. Ветер ударил в лицо. Вдалеке, под облаками, что-то глухо качнулось: Купол снова ловил чужой удар. Мир понемногу проседал, как пол под тяжёлой мебелью.

Он пошёл вниз.

Комната писарей была узкая, длинная, вся в полках со свёрнутыми свитками. Пахло старой бумагой, железом чернил и усталостью. За столом, у стены, сидел писарь – мужчина с тонкими пальцами и глазами человека, который слишком много видел чужих донесений о чужих смертях.

– Мастер, – поднял он голову.

– Пиши, – сказал Гаст, садясь напротив. – Отвечаем Арею.

Писарь окунул перо, замер.

– Хранитель Арей, – диктовал Гаст. – Письмо твоё получил. За то, что не полез без сил в щель отдельно благодарю.

Мальчишку держи при себе, постарайся выведать детали, но не дави сильно, как бы умом не тронулся окончательно.

Перевал пока держите перекрытым. Людей туда не пускать.

Я выезжаю сам с малым отрядом.

Ждите. В забой без нас не лезьте.

Мастер - Хранитель Андрогаст»

Писарь аккуратно свернул пергамент, капнул воска, прижал печать.

Ворон ждал уже на жерди у окна.

Птица была крупной, с блестящими перьями и умным глазом. Она терпеливо дала привязать свиток к лапе, подождала, пока поправят узел.

– К Арею, – повторил Гаст.

Ворон, разумеется, не понимал слов. Он знал маршрут. Стукнул клювом по раме, расправил крылья и ушёл в серую кашу неба.

– Всё, – сказал Гаст. – Остальное – на наших ногах.

В казарме пахло потом, оружием и тушёной кашей.

Серые плащи висели на крюках, сапоги – рядами под лавками. Кто-то точил нож на оселке, кто-то подшивал ремень на кирасе, кто-то спал, уронив голову на руки.

Гаст не стал бить в колокол.

Зашёл, встал посреди прохода.

– Кто хочет ещё раз посмотреть, что Скверна делает с люд-

ским мясом, – сказал просто, – встаньте.

Поднялись все.

Он медленно провёл взглядом.

– Скаур, – бросил Гаст. – Ты в прошлый раз в завале ребро чуть не оставил – пора проверить, как держит.

Скаур вышли в проход.

– Серим, ты тоже пойдешь, – сказал Гаст. – Хватит двоих.

– Он обвёл всех остальных взглядом. – Остальные – здесь. Скверна не станет ждать, пока мы вернёмся. Со своими делами разбирайтесь без меня.

Никто не обиделся.

В Ордене давно понимали: идти в гору к неизвестной дыре – не честь и не позор. Просто очередная смена.

В арсенале мечи ждали молча.

Каждый взял свой. Мечи в Ордене не меняли по прихоти. Клинок, с которым уже ходил в грязь, был надёжнее любого нового. Щиты – тоже свои: со знакомыми вмятинами, с застрявшими в кромке зубами тварей.

Лекарь молча протянул каждому по маленькой глиняной бутылочке.

– Выпейте перед самым входом, – сказал. – Если в голове начнут шептать стены – глушите этим. Лучше блевать, чем слушать.

– Внизу всё равно вытошнит, – буркнул Скаур. – Какая разница от чего.

Коней вывели во двор.

Низкие, крепкие, с толстыми шеями. Глаза – тёмные, внимательные. Они не ржали громко; только фыркали, видя, что седлают их не для прогулки.

Гаст проверил подпругу, лёгкость меча в ножнах, оттяжку плаща.

– Знаете, куда едем? – спросил он, глядя на своих.

Скаур только усмехнулся своим рыжим шрамом:

– Вниз, – сказал. – Опять.

– Вот и хорошо, – кивнул Гаст. – Ступайте уже. Пока снегом не завалило.

Седой у ворот, тот самый, что всегда ворчал, когда кто-то уходил, сплюнул в сторону.

– Вернитесь, – сказал. – Не ради нас. Ради того, чтобы хоть кто-то сказал, что там правда, а не очередные байки.

– Вернёмся, – ответил Гаст, – и расскажем.

Ворота поднялись.

Холод сразу вцепился в лица. Ветер ударил неприятно, но их это только подстегнуло. Кони шагнули вперёд, в серую круговерть.

Три воина выехали за стены.

Для крепости это был обычный день.

Для Гаста – ещё одно дело, которое пока значилось в его голове как: *«странная Скверна в горах, мальчишка выжил, проверить»*.

Пока всё просто.

Зима. Лес. Горы.

И работа: посмотреть, что там за «мясо ходит» и что за «люди в стенах», и решить: можно ли это решить обычным мечом.

Глава VI. Чёрный Лес

«Кто видел чудовище в книге, думает, что знает, как оно дышит. Пока не услышит этот звук у себя за спиной».

Андрогаст

Сердце билось в горле, когда холодный воздух Леса ударил в лицо. Это было не Сердце мира – её собственное. Но второй глухой стук, где-то под подошвами, никуда не делся.

День выдался серым. Небо висело низко, будто нехотя. Сырой ветер гонял по холмам клочья тумана. Земля под ногами чавкала – ночью прошёл мелкий дождь.

Обитель осталась далеко позади – белым зубцом на горизонте. Теперь она была похожа на чужой замок, а не на место, которая она звала домом всю свою жизнь.

Мирия шла, пригибаясь под ветром. Плащ тянул назад, цеплялся за сухие кусты. Сумка била по боку. Ноги в тонких сандалиях мёрзли – каждый шаг по мокрой земле отзывался холодом.

Впереди тянулась чёрная полоса. Лес.

Чем ближе, тем отчётливее становился запах: прелой листвы, мокрой коры, старой гнили. Не тот лесной дух, о котором читала в книгах, – тяжёлый, мёртвый, как в склепе.

Она остановилась на кромке.

Деревья стояли густо, ствол к стволу. Кора у них была чёрная, местами серая, как старые шрамы. Ветки – кривые, смотрят вниз, как пальцы. Листья – чёрно-бурые, скрученные. Интересно было, как они вообще держатся.

Лес почти не шумел. Ветра внутри не было. Отсюда казалось, что там – замкнутая, глухая тишина.

– Чёрный Лес, – выдохнула она.

Слова прозвучали неправдой. В книгах он был ещё страшен, но всё равно «место». Здесь – живое чёрное пятно.

Она сжала ремень сумки покрепче.

– Если я здесь развернусь... – начала вслух и не договорила. Повернуть назад казалось хуже, чем шагнуть вперёд.

Она подняла подол плаща и вошла между деревьев.

Свет тут же стал другим.

Он не исчез, но стал тусклым, серым. Лучи, пробивавшиеся сверху, ломались на ветках, превращаясь в рваные полосы. Тени были не чёрными, а густыми, будто в них можно было увязнуть.

Под ногами – ковёр из сгнивших листьев вперемешку с обломками веток. Никаких тропинок – только редкие, чуть более ровные участки. Иногда земля под ним проваливалась, и нога уходила по щиколотку в холодную жижу.

Каждое дерево казалось на одно лицо. Если обернуться, не сразу поймёшь, откуда пришёл.

Мирия сперва старалась идти прямо, держась какого-то

выбранного направления. На третьем десятке шагов поняла, что уже не знает, в каком направлении движется. Сзади и спереди – одни и те же стволы.

Она остановилась, вслушалась.

Тишина.

Не абсолютная – лес жил. Где-то капала вода. Где-то мягко шевельнулось что-то мелкое. Но привычных лесных звуков – птичьих криков, треска сучьев – почти не было.

– Прекрасное место, – сказала она вслух. – Терон бы оценил.

Звук её голоса прозвучал чужеродно. Сразу захотелось говорить тише.

Она шагнула дальше. И ещё. Обходя коряги, перешагивая через корни.

Через полчаса она уже еле передвигала ноги: мышцы ноют, спина болит. Сандалии набились грязью. Мокрые ремешки натёрли кожу.

Голова начала немного кружиться – то ли от запаха гнили, то ли от голода.

«*Надо остановиться, перевести дух,*» мелькнуло. Она огляделась: кругом одни и те же деревья. Нигде ни просвета, ни полянки.

Она опёрлась о ствол ближайшего. Кора под ладонью оказалась гладкой, чуть теплой, совсем не как у нормального дерева. Под пальцами нащупывались бугорки – будто крупные вены.

Позади нее внезапно раздался тяжелый вздох.

Она отдернула руку.

– Наверное лучше ничего не трогать. Мирри, ты уже не в Обители – вырвалось у нее с каким-то нервным смешком.

Первым пришёл не звук, а запах.

Даже на фоне Леса он был другим. Резкий, сладковатый, с явным мясным духом. Пахло не просто гнилью, а свежим, тёплым мясом, которое кто-то ел не так давно грязными зубами.

Она зажала рот ладонью, чтобы не закашлять.

Потом пришёл звук.

Хриплое сопение. Тяжёлое, влажное. Как будто кто-то огромный тянет воздух через слипшиеся от крови ноздри. Между этими вдохами – чавканье, всхлипывающие звуки.

Где-то рядом.

Она медленно двинулась, стараясь ступать боком за стволами, к источнику.

В выемке между корнями лежала туша.

Когда-то – олень. Рога валялись в стороне, как выломанные сучья. Тело было разодрано: шкура сорвана с боков, мясо вывернуто наружу. Кости блестели мокрым белым мрамором; с рёбер свисали светлые полосы сухожилий. Живот вспорот, изнутри словно грязные, мокрые черви выползли наружу остатки внутренностей.

Над этим всем, вкопавшись лапами в землю, возился он.

Он был крупнее обычной собаки и меньше лошади. Тело – бугристое, неправильное. В одних местах кожа висела лоскутами, в других её не было вовсе – голая, блестящая красноватая плоть. Под ней, в некоторых местах, было заметны какие-то волнообразные движения, будто там шевелилось что-то живое.

Спина – с горбом. На холке торчали жёсткие, чёрные, как обгоревшие, клочья шерсти. Вдоль хребта местами поблёскивали оголённые позвонки.

Лапы – длинные, чересчур. С суставами на странных, лишних местах. Лапа иногда сгибалась там, где у обычного зверя её просто нет. Когти – чёрные, кривые, длиннее пальцев. Сейчас большая их часть была полностью погружена в землю, но на одной лапе, что стояла на туше, они виднелись во всей красе.

Хвост... лучше было не смотреть на хвост. Слишком много разорванной плоти, похожей на присохшие кости и солнцем высушенные кишки.

На голове, когда-то, возможно, был обычный звериный череп. Теперь он казался слишком вытянутым. Челюсть растянулась, обнажив два ряда мелких, ровных, как у рыбы, зубов. Глазницы были глубоки; в них блесело что-то тёмное, влажное. Из-под одной глазницы тянулся вниз тонкий, розовый отросток, похожий на дополнительный язык.

Языки – обычный и этот – по очереди вытаскивали куски

мяса из груди оленя и заталкивали глубоко в глотку. Звук того, как зубы крошат кости, был самым невыносимым.

Мирия на миг забыла, что нужно дышать.

Вот они, картинки из книг, только без рамки, мелькнуло и тут же ушло.

Под ногой предательски хрустнула ветка.

Голова варга дёрнулась.

Он остановился, замер. Рты чуть приоткрылись. Ноздри втянули воздух громко, как кузнечные мехи. Мгновение – и он развернулся к ней.

Глаза – пустые, тёмные, но взгляд в них был. Не звериный – голодный.

Он издал низкий, глухой звук. Не рычание, не лай. Скорее – грубый вопрос: «Кто?»

Ответить нечем.

– Назад... – чуть слышно сказала она. Больше себе.

Варг сделал шаг.

Грудь качнулась, оголённые кости слегка натянулись. По ранам прошла новая порция слизи. Из уголка рта, если это можно было так назвать, потянулся тонкий ручеёк чёрного.

Ещё шаг.

Он не спешил. Добыча всё равно никуда не денется.

Мирия отступила, нащупав пяткой корень. Взгляд не отрывался от зверя.

Бить или бежать? – мысль была короткой, сухой.

Бег – глупость. В корнях и кочках он её догонит быстрее.

Оставалась Сила. Та самая, что Лес пил, как воду.

Она подняла левую руку.

Обычно в Обители это был подготовленный жест: выстроенная формула, выверенная нота. Сейчас – просто инстинкт. – Прочь! – выкрикнула она коротко.

Слово вырвалось с воздухом, а вместе с ним – и то, что копилось внутри последние дни: страх за мать, ярость на Темницу, жгучее раздражение от бессилия. Всё это смешалось и рвануло наружу.

Свет ударил. Не красивая чистая линия, а вспышка, рваный сгусток.

Он попал варгу в грудь.

Кожа и мясо там взорвались белым пламенем. Запахло палёным – не волосами, не деревом, а именно сырой плотью. Звук был такой, будто воду вылили на раскалённый железный лист.

Варг взвыл.

Вой был неожиданно высокий, почти человеческий. Он отшатнулся, дернулся, попытался оторвать от себя пламя, лапами разгребая то место, куда пришёлся удар. Когти цепляли собственную плоть, рвали её, кидали в стороны. С кусками мяса отлетали и какие-то чёрные, твёрдые образования – то ли кости, то ли нечто новое.

На миг показалось, что он рухнет.

Но Лес вокруг не остался в стороне.

По земле, как по ткани, прошла дрожь. В воздухе запахло иначе – свежим, мокрым мхом, холодным ветром из-под земли. Тьма под корнями будто потянулась вверх. Свет, который она выплеснула, не исчез просто так. Он начал проваливаться – вниз, к корням. И через эти корни что-то шло обратно – в того, кому она его всадила.

Пламя на груди варга стало тускнеть. Белое – сереть. Жёлтый дым сменился серым.

Под обгоревшей кожей шло движение. Как если бы кто-то изнутри лепил новую грудь. На обожжённой поверхности начали нарастать новые наросты – не кожа, а сырая, блестящая масса.

– Нет... – прохрипела она.

Но уже поздно.

Варг вскочил снова. Грудь у него теперь была ещё уродливее, из неё торчали какие-то лишние костяные отростки. Глаза – если это были глаза – похолодели.

Он ринулся.

Она не успела придумать второй приём.

Всё, что оставалось – уходить в сторону, как учили, когда деревянная дубинка летит в голову.

Она бросилась вправо.

Корень под ногой. Плащ зацепился. Тело не успело. Она споткнулась, полетела вниз. Земля ударила в бок, выбив из лёгких весь воздух. В рот попала грязь.

Варг пронёсся мимо на полшага – не так она ушла. Лапой он всё же задел её ногу. Что-то острое, тяжёлое, с силой врезалось в бедро чуть выше колена.

Боль пришла сразу.

Не жгучая, как от Света, а тупая, раздирающая. Будто кто-то пробил ногу и застрял внутри.

Она заорала. Не красиво, не сдержанно – просто крик боли.

Тело варга пролетело дальше, врезалось в дерево. Ствол застонал – скрипуче, как живой. Сверху посыпалась труха.

Мирия попыталась подняться. Нога не слушалась.

Под пальцами ощущалась липкая, тёплая влага. Онаглянула – и сразу отвернулась. В бедре торчал кусок чёрного когтя, длинный, как палец. Вокруг – кровь, много. Тёмная, густая, растекается по грязи.

Голова закружилась.

Варг уже выбирался из-под дерева. На его боку теперь болтался кусок коры, вросший в мясо; там, где он врезался, кора и плоть слиплись. Ему было больно, но это только злило.

Он снова шёл к ней. Медленнее, но шёл.

Она поползла назад, опираясь руками. Каждое движение ноги отзывалось вспышкой боли. Земля под ладонями была холодная, мокрая; под пальцами – сырой мох, скользкая гниль. Сумка осталась где-то в стороне.

– Уходи... – выдохнула она. Ей уже казалось, что слова

не выйдут.

Варг подошёл почти вплотную. Вонь от него накрыла с головой. Из распахнутой пасти свисал обгоревший, чёрный, как древесный уголь, язык; под ним ещё шевелился второй, розоватый.

Он наклонил голову, глядя на неё своими тёмными провалами. Капля чёрной жижи упала ей на плащ, прожгла маленькое пятно.

Он уже не спешил. Добыча лежала, почти не шевелилась. Можно было есть медленно.

Он потянулся вперёд.

Мирия зажмурилась, прикрыла голову руками.

Сначала был звук.

Металл по кости. Звонкий, резкий, как удар молний о скалу.

Потом – запах. Не только гнили, но и свежей крови, горячей, с металлическим привкусом.

Потом – тень.

Над ней мелькнуло что-то тёмное, длинное. Варг захлёбываясь рыкнул. Его тело дёрнулось.

Мирия разжала глаза.

Над ней, между ней и чудовищем, стоял человек.

Высокий, плечистый. Плащ – тёмный, до колен, по краю – грязные подолы. Под ним – кожаный кафтан, тёмный, с нашитыми на плечах и груди пластинами, потертыми на сги-

бах. Ноги – в высоких сапогах, по швам – светлые, истёртые от долгих дорог полосы.

В правой руке – меч.

Клинок был не блестящий, не серебристый, не как обычный стальной, а тёмный. Чёрный, с еле заметным матовым отблеском, словно его ковали из ночи и холодного железа. Лезвие было узкое, с лёгкой кривизной, как у охотничьего ножа, только длиннее.

Сейчас этот клинок вошёл в шею варга.

Чудовище рванулось. Из раны хлынула густая, почти чёрная жидкость. Она не разбрызгивалась, а стекала тяжёлыми струями. Там, где падала, земля шипела.

– Лежать, – коротко сказал человек зверю, как псу.

Голос – низкий, спокойный, без крика.

Он провернул клинок. Что-то хрустнуло внутри варга – не кость, а что-то более мягкое, но важное. Тело дёрнулось ещё раз, лапы судорожно скребанули по земле, когти вырвали мох и грязь. Потом всё это тяжело рухнуло на бок.

Чёрный меч выдернули из шеи одним точным движением. Ни капли жижи не задержалось на металле – всё соскользнуло, как с гладкого камня.

Человек на миг замер, прислушиваясь к Лесу. Тот молчал. Только где-то вдалеке прокатился слабый, недовольный скрип.

Он обернулся к ней.

Лицо у него было... слишком правильным для таких мест.

Высокие скулы, узкий прямой нос, чёткая линия челюсти.

Губы – тонкие, но не злые. Глаза – серые, светлые, но глубоко посаженные. Брови темнее волос, отчего взгляд казался ещё выразительнее. На скуле – тонкий шрам, едва заметный, как случайная царапина от ветки.

Волосы – тёмные, скорее чёрные, чем каштановые, немного выющиеся на концах. Собраны в свободный хвост кожаным шнурком. Пара прядей выбилась и прилипла к лбу.

Он был красив. Не как витражные герои – гладкие и безупречные, – а как человек, на которого трудно не смотреть.

Он смотрел на неё сверху вниз. Взгляд – спокойный, внимательный. Без жалости, без насмешки.

– Жива? – спросил он.

– Похоже, – просипела она.

Слова дались с трудом – горло пересохло.

Он присел на корточки рядом. Плащ слегка распахнулся; под ним виднелись ремни с ножами, небольшими мешочками, какой-то тёмной бутылочкой. Всё по делу.

Его взгляд скользнул к её ноге.

Она тоже посмотрела – и снова пожалела.

Коготь вошёл сбоку, чуть выше колена. Торчал наполовину. Вокруг – тёмно-красное, расплзающееся пятно. Ткань разорвана. На коже – грязь, кровь, кусочки чёрного.

– Неплохо задел, – спокойно констатировал он. – Ходить ты сегодня уже не будешь.

– Мне кажется, я уже нагулялась, – выдохнула она, пытаясь усмехнуться.

Он фыркнул.

– Шутишь, – сказал он. – Это хорошо.

Он вынул из-за пояса нож – широкий, короткий, с чистым лезвием. Аккуратно разрезал, вокруг когтя, ткань плаща и туники, освободив доступ к ране. Пальцы его работали ловко, уверенно, как у человека, привыкшего к тяжелым ранениям.

Запах свежей крови ударил сильнее.

– Придётся вытащить, – спокойно сообщил он. – Иначе загноится. У Скверны свои подарки.

– Сейчас? – спросила она.

Он посмотрел на неё, как на ребёнка, который спросил что-то вроде: «а зимой снег будет?».

– А потом когда? – отозвался. – Пока Лес даёт нам пару ударов сердца тишины, лучше не тянуть.

Он достал из-за пазухи маленькую флягу, плеснул немного на лезвие ножа, потом – прямо на рану. Обожгло так, что она едва не вырвала ему руку.

– Ай!.. – захрипела она, вцепившись пальцами в землю.

– Потерпи, – коротко сказал он. – Это спирт. Жжёт, но жить помогает.

Он обхватил коготь пальцами у основания.

– На счёт три, – предупредил. – Раз. – И выдернул на «раз».

Боль была такой, будто ногу выдернули целиком. В глазах потемнело, где-то далеко послышался собственный крик.

Когда зрение вернулось, в его руках был чёрный, изогнутый, блестящий от её крови кусок когтя. Он бросил его в сторону. Там, где тот упал, земля чуть зашипела.

– Красота, – пробормотал он. – Принесешь такой домой – будешь рассказывать детям, как выжила.

– Не уверена, что доживу до детей, – выдавила она.

Он уже рвал полосы ткани от своего плаща – сбоку, где было меньше грязи. Быстрыми, уверенными движениями.

– Доживёшь, если не будешь спорить, – заметил он. – И если перестанешь пытаться Силой кормить то, что ей питается.

Он прижал к ране чистую тряпицу.

Она зашипела. Всё тело напряглось, глаза сами закатились.

– Дыши, – коротко бросил он. – Вдох. Выдох. Не отсиживайся в обмороке, потом хуже.

Она попыталась подчиниться. Вдох – обжёг. Выдох – чуть отпустил.

– Как тебя зовут? – спросил он, не поднимая головы от ноги.

– Мирия, – выдохнула она.

– Я – Бал, – сказал он. – Запомни. Если потом кто спросит, как ты выжила, скажешь: «Случайный прохожий помог... и чудо».

– Случайный прохожий... в Черном лесу... – прошептала она.

Голова кружилась сильнее.

– Обсудим, – отозвался он. – Когда ты сможешь больше трёх слов связать.

Он туго перевязал бедро. Боль стала тупее, но от неё никуда не деться. Нога пульсировала.

Мирия попыталась подняться на локтях. Мир вокруг дёрнулся, поплыл.

– Тише, – его рука мягко, но настойчиво уложила её обратно. – Сейчас ты одна нога да полголовы. Ни идти, ни спорить не выйдет.

– Нельзя... здесь... – язык заплетался. – Лес...

– Знаю, – кивнул он. – Потому что, в отличие от тебя, я не читал о нём в книгах. Я тут ходил.

Он поднялся, сунул два пальца в рот и коротко свистнул. Резко, протяжно.

Где-то вдалеке треснул сучок. Потом ещё. Что-то крупное ломилось сквозь ветки. У Мирии сердце ухнуло – ещё один?

Но из-за деревьев вышел конь.

Высокий гнедой, с тёмной гривой. Плечи у него были мощные, ноги – жилистые. На боках – следы потёков, засохшей грязи. Сбруя – простая, но добротная. На храпе – пятно седой шерсти.

– Новая подруга, – сказал Бал коню. – Не кусайся.

Конь фыркнул, скосив на Мирию тёмный глаз.

– Ты... забереёшь меня к людям? – спросила она еле слышно.

– Не бросать же тебя здесь, – отозвался он. – Не люблю кормить Лес теми, кого только что спас.

Он легко подхватил её под плечи. Для него это было делом привычным; для неё – новым ощущением. В Обители её никто так не носил с детства.

Мирия ещё попыталась возразить:

– Я сама...

Но слова уплывали.

Она почувствовала, как её поднимают, укладывают поперёк седла, как под боком что-то твёрдое упирается – лук? Меч? Седло?

Последнее, что она увидела, был профиль Бала на фоне тёмных ветвей: чёткий, уверенный. И чёрный клинок в его руке, который он держал так, будто тот был частью него самого.

Потом мир погас.

И Чёрный Лес стал только запахом гнили и тяжёлым, бесформенным страхом где-то на дне сознания.

Глава VII. Деревня на краю Леса

«Кто живёт между Лесом и полем, тому некогда думать о богах. Они вспоминают о нас, когда уже поздно».

Шана

Проснулась она от запаха.

Не ладана, не воска, не вычищенного до скрипа камня. Пахло дымом, кислой капустой, старой травой, мышами, чуть-чуть – мочой. Живой, тёплой, человеческой жизнью, которая не знала мрамора.

Под спиной – что-то шуршащее, неровное. Солома. В бок упиралось жёсткое; стоило чуть пошевелиться – хрупко хрустнуло и укололо кожу.

Первой мыслью была: опять упала на пол в учебном зале. Привычка. Тело помнило мрамор и холод. Но мрамор не шуршит.

Она попыталась повернуть голову. Шея отозвалась ломотой. В висках глухо стучало – её собственное сердце и что-то ещё, далёкое, тяжёлое. Темница.

Над ней низко висела закопчённая балка. В щелях между балками – паутина, сухая, старая. Через маленькое круглое окошко-пузырь сверху лился тусклый жёлтый свет. В нём плавали пылинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.